

0200579

РЕГИОНАЛЬНЫЙ СОВЕТ ЦЕНТРАЛЬНО-ЧЕРНОЗЕМНЫХ
ОБЛАСТЕЙ РСФСР И ВОСТОЧНЫХ ОБЛАСТЕЙ УССР
ПО КОМПЛЕКСНОЙ ПРОГРАММЕ ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИИ
АН СССР «РАННИЕ ОБЩЕСТВА: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СО СРЕДОЙ,
КУЛЬТУРА И ИСТОРИЯ»

ВОРОНЕЖСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ВСЕРОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ
ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ МИКРОРАЙОНОВ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

(тезисы докладов научной конференции)

Воронежская областная
научная библиотека
имени И. С. Никитина

0200579

ВОРОНЕЖ, 1990

-0200579-KX
0200579
Археологическое
изучение микрорайонов
Итоги

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

Воронеж, тип. «Транспорт». Зак. 6539-87 г.—100000

0517097

3

KX/1997

(1997)

Время проведения конференции 15—16 мая 1990 г.

Оргкомитет конференции: проф. Пряхин А. Д. (председатель), к. и. н. Афанасьев Г. Е., к. и. н. Беседин В. И., доц. Борисов И. И., к. и. н. Моця А. П., проф. Синюк А. Т., проф. Халиков А. Х., к. и. н. Цыбин М. В. (ответственный секретарь).

Работают секции:

1. Воронежский археологический микрорайон.
2. Торговый путь Киев — Булгар и археологическое изучение микрорайонов.

На обложке: Сосуд с изображением лыжника. Шиловское поселение. Доно-волжская абашевская культура.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Выход советской археологии на новый исследовательский уровень не в малой степени будет зависеть от того, в какой степени удастся реализовать идею изучения отдельных археологических микрорайонов. Дело в том, что их изучение в самом принципе открывает новый уровень возможностей в фиксации и изучении социально-исторических единиц прошлого. Надо иметь в виду и то обстоятельство, что обращение к изучению микрорайонов может быть продиктовано и необходимостью изучения конкретной исследовательской задачи или исследовательской темы в рамках исторической науки.

И, наконец, не следует сбрасывать со счетов встречающееся в настоящее время понимание археологического микрорайона как определенной территории, в рамках которой по единой исследовательской программе ведется целенаправленное изучение памятников разных эпох. Но разумеется, что при такой трактовке понятия «археологический микрорайон» усилия не могут сводиться к составлению археологической карты данной территории и к ограниченным по масштабам раскопкам отдельных объектов. По своему существу это лишь предварительное условие выхода на комплексное изучение того или иного территориального микрорайона.

Иными словами, сама по себе проблема изучения археологических микрорайонов многопланова. Она требует специального осмысления.

В ходе работы конференции наряду с пленарными докладами, в которых в той или иной степени рассматриваются теоретические аспекты выделения и осмысления археологических микрорайонов, будут работать две секции. Доклады и сообщения на первой из них посвящены проблеме осмысления возможностей изучения одного территориального археологического микрорайона. Речь пойдет о воронежском археологическом микрорайоне памятников эпохи металла. Работа же другой секции нацелена на изучение через призму выделения отдельных археологических микрорайонов сухопутного средневекового торгового пути Киев — Булгар, первое осмысление которого было предложено академиком Б. А. Рыбаковым. Последнее уместно сделать именно сейчас, по-

скольку решению этой исследовательской задачи подчинена деятельность начавшей работать в 1989 г. совместной экспедиции Института археологии АН Украинской ССР и Института языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР, в которой в связи с изучением отдельных микрорайонов памятников принимают участие специалисты других научных учреждений и учебных заведений, в том числе и сотрудники кафедры археологии и истории древнего мира Воронежского университета. Небезынтересно отметить, что скорее всего данный торговый путь проходил и через территорию уже названного воронежского археологического микрорайона, а середина этого пути находилась где-то в районе Эртиля в Воронежской области (область урта-юл, что означает середину пути — см. тезисы доклада А. П. Моци и А. Х. Халикова).

Открывающаяся конференция проводится кафедрой археологии и истории древнего мира Воронежского университета и Воронежским отделением Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры в соответствии с планом работы регионального совета Центрально-Черноземных областей РСФСР и восточных областей УССР по комплексной программе Отделения истории АН СССР «Ранние общества: взаимодействие со средой, культура и история». В ней принимают участие ученые ряда университетов, педагогических институтов, Институтов археологии АН СССР и АН Украинской ССР, Института языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР, отдельных музеев.

А. Д. Пряхин

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

А. Т. СИНЮК

(Воронежский пединститут)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МИКРОРАЙОН: КОНЦЕПЦИИ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Археологический поиск, методический арсенал, приемы критики источников практически безграничны в своем совершенствовании. Имеющиеся же на сегодняшний день реконструкции исторического прошлого (если мы не отказываем археологии в этом уровне научного исследования) изобилуют условностями, а полевые изыскания в значительной мере отражают стадию произвольной выборки попадающих в поле зрения объектов.

Главные усилия археологии направлены, как правило, на определение границ археологических эпох и культур в пространстве и времени, на их сопоставление, а также на систематизацию артефактов и научных понятий. При этом приходится считаться с тем, что такие археологические категории как вариант культуры, культура, общность, область, провинция — далеко не адекватны (за редким исключением) ни этническим, ни социальным, ни хозяйственным структурам древности и, в силу своего базирования на среднестатистических величинах служат, скорее, инструментами для познания самых общих тенденций исторического процесса. За кадром остаются многие из тех разнообразных реальных событий древности, которые оказывали прямое влияние на судьбы конкретных этноисторических образований.

Последствия наиболее важных из этих событий в своем фундаментальном отражении (при восстановлении природной среды, комплексов хозяйственных и культурных традиций, размеров и степени их проявления) в принципе могут быть уловлены через реконструкции формы и функций отдельных базисных клеток, образующих цельный организм — экономическую структуру общества на определенных стадиях развития. Исследования в таком направлении могут осуществляться через археологическое микрорайонирование.

Принцип микрорайонирования уже нашел применение как в зарубежных, так и в отечественных исследованиях. При этом обнаруживается двойкий подход: анализ всей совокупности археологических объектов на ограниченной территории и анализ источников, принадлежащих отдельной социально-экономической единице. Оба подхода оправдывают себя в каждом конкретном случае, но и тот, и другой представляют собой лишь вариации метода «гнездовой» концентрации усилий для познания характера археологических культур и их взаимодействий со всеми традиционными процедурами исследования. Это в известной степени — шаг вперед к решению задачи целенаправить изыскательскую работу. Но изначально очерченный исследователем даже небольшой географический участок обычно включает следы самых разных по форме, структуре, хронологической и пространственной протяженности общественных образований, причем любое из них в принятых рамках может предстать в усеченном виде. Попытка же восстановления здесь крупного этнического или социально-экономического организма древности (а тем более группы таковых) с неизбежностью блокируется этой самой усеченностью, а также отсутствием необходимой методической оснащенности. Следует добавить, что проведение таких работ пока не подкреплено тщательными методическими разработками, а поэтому конечные результаты страдают известными натяжками. Между тем подбор методического арсенала должен быть основан на том, что мы вкладываем в понятие археологического микрорайонирования и что мы ожидаем получить в процессе исследования.

Предлагаемая нами концепция понятия археологического микрорайона основана на вычленении структурных клеток, т. е. на определении реальных границ действия хозяйственных (базисных) структур отдельных социумов (общины, племени) в тех хронологических рамках, пока эти структуры остаются относительно неизменными. Отсюда следует, что сам микрорайон формируется в процессе исследования, а исходной точкой исследования может стать практически любой памятник, включающий следы хозяйственной деятельности.

Археологический микрорайон не адекватен содержанию археологической культуры. Он охватывает, как правило, меньшие пространственно-временные пределы — зону действия устойчивой хозяйственной структуры отдельной социальной единицы. Но его, в связи с этим, следует рассматривать как более тонкий и точный инструмент исследования.

Совершенно очевидно, что археологическое микрорайонирование в изложенном понимании требует применения такой методической базы, которой в повседневной практике мы еще не располагаем, а потому и сама концепция может быть отнесена к числу теоретических построений.

В самых общих чертах методическая база должна включать следующие составные. Поскольку необходимо получить максимально полную сумму относительно единовременных и взаимосвязанных артефактов, первостепенную роль приобретает археологический поиск с использованием космических съемок, метода пунктирного зондирования, геофизического и геохимического методов на определение параметров объектов и состояния почвенных структур. Задача поиска состоит и в выходе на естественные границы хозяйственных зон, что возможно лишь при комплексном использовании археологического анализа материалов (для этого требуются максимально широкие раскопочные работы), и методов точных датировок. Каждый археологический объект помимо топографической и функциональной оценки, а также своего демографического содержания должен получить четкую позицию в системе природно-географических реконструкций (на базе методов палинологии). Затем необходимо обратиться к методам технологического моделирования. Только при таком условии, с учетом данных остеологии, спектрального анализа и т. д., можно надеяться на осуществление задачи археологического микрорайонирования.

Полученные же сведения о строго увязанных хронологически относительно статичных производственных системах из нескольких микрорайонов, при сопоставлении позволят судить об экономике более крупных общественных образований, а серия последовательно сменявшихся статичных микросистем, уловленных при археологическом микрорайонировании, раскроет динамику развития древней экономики в различных своих проявлениях. А с восстановлением базисной канвы откроются перспективы выхода на самые сложные реконструкции, включая глубинные закономерности и конкретные проявления исторического развития.

И если пока не представляется возможным вести такие работы широким фронтом, то пробные шаги в этом направлении могут быть сделаны уже сегодня, что и будет отражать естественный процесс поисков совершенствования научного исследования.

И. Ф. КОВАЛЕВА

(Днепропетровский университет)

КИЛЬЧЕНСКИЙ МИКРОРАЙОН В СРУБНОЙ КУЛЬТУРЕ ПРЕДСТЕПЬЯ

Итогом многолетних работ новостроечной экспедиции Днепропетровского университета явилось обоснование природного и культурного своеобразия Предстепья — пограничного, между лесостепной и степной зонами левобережной Украины, района. В территориальном отношении последний совпадает с междуречьем и бассейнами притоков Днепра — рек Орели и Самары и прилегающими районами Полтавской, Харьковской и Донецкой областей.

Изучение срубной культуры Предстепья, само по себе весьма результативное (более 900 погребений и ряд поселений) позволяет сегодня выделить несколько микрорайонов, отмеченных чертами определенного своеобразия: 1) приорельский, где с наибольшей полнотой и выразительностью представлены присущие лесостепной срубной культуре Украины признаки; 2) верхнесамарский, или район Западного Донбасса, где представлены также позднесрубные (сабашиновского типа, по Н. Н. Чередниченко) памятники, что позволило нам высказать предположение о вторичности заселения территории Западного Донбасса по отношению к Приорелью (Ковалева, 1981, 1987); 3) нижнесамарский, где ощутимо влияние сабашиновской культуры в ее надпорожском варианте. Помимо названных, выделяется еще один, кильченский микрорайон, культурное своеобразие которого оказалось настолько ярким, что уже в самом начале изучения, когда представления о срубной культуре Украины основывались на известной схеме О. А. Кривцовой — Граковой, были замечены нами и послужили основанием для выделения памятников маевского типа (Ковалева, Волкобой, 1976).

Границы микрорайона определяются долиной Днепра и реками Кильченью и Чаплинкой, близко сходящимися в верхнем течении, так что на карте площадь района имеет вид треугольника, обращенного вершиной на север, площадью 610 кв. км. На исследуемой территории выделяются следующие геоморфологические формы рельефа: водораздельное плато и долины рек. Поверхность плато ровная, в южной части несколько волнистая, за счет пологих склонов верховьев балок. Абсолютные отметки высоты 85—125 м. На

поверхности встречаются блюдцеобразные западины размерами от 20 × 30 до 300 × 500 м просадочного типа, концентрировавшие талые и дождевые воды. Кроме коренных склонов крутизной до 40°, в долине р. Кильчени выделяется пойма и первая надпойменная терраса. Долина р. Чаплинки разработана слабо и не имеет надпойменных террас. Внутри небольшого микрорайона возможно выделение двух зон с заметными различиями в культурной принадлежности памятников.

I зона — уступ водораздельного плато на границе со второй надпойменной террасой Днепра. Здесь отмечено максимальное сосредоточение курганных групп (9) с основными срубными погребениями; расстояние между ними по прямой не превышало 5 км. Высоты срубных насыпей варьируют от 4,3 до 0,7 м. В плане их отличает овальная форма с максимальным диаметром в широтном направлении, что объясняется устройством в подкурганном пространстве ритуальных площадок с кострищами и жертвенниками из черепов животных. Из общего числа 51 срубных погребений 24 произведены в бревенчатых срубах, 22 имели перекрытие из плах на уровне впуска. Преобладает положение умерших на спине с поворотом влево и восточная ориентация (41). В 19,6% имело место частичная, в 5,9% полная кремация останков, что намного выше показателей по другим районам (Отрощенко, 1989). Напутственная пища присутствовала в 24 могилах; в 20 случаях она включала черепа и конечности животных, положенные на перекрытии сруба, что предполагает помещение в могилу шкуры или чучела (Грязнов, 1977). Основную группу находок представляет керамика, в которой преобладают сосуды баночной формы и горшки, 2/3 которых орнаментированы наклепными валиками, образующими горизонтальные многорядные пояски в привенчиковой части в чисто «многоваликовой» манере. Острореберные сосуды орнаментированы шнуром или мелкозубчатым штампом как в собственно срубной, так и андроновской композиционной схеме. Синкретизм керамики является временным показателем для памятников кильченского микрорайона. Он отражает реальную историческую ситуацию середины II тыс. до н. э., когда на основе многоваликовой культуры среднего Поднепровья под воздействием идущих с востока, из срубно-андроновской среды влияний происходит формирование собственно срубной лесостепной культуры Украины.

II зона определяется коренными склонами долин Киль-

чени и Чаплинки и примыкающими участками степи. Начало курганного строительства здесь связано с энеолитической постмариупольской и, особенно, ямной культурами. Раннесрубные погребения в насыпях одиночны, хотя известны и отдельные срубные курганы, основные обрядовые признаки которых совпадают с курганами I зоны. Обнаруживается тенденция к возникновению срубных «кладбищ», отражающая появление долинных поселений.

Продвижение срубного населения вглубь степи регистрируют курганные группы, находящиеся примерно на равном удалении от обеих зон (от 7 до 30 км от рек). Поскольку в них представлены исключительно погребения раннего этапа, исходным пунктом должна была служить I зона.

А. П. МЕДВЕДЕВ
(Воронежский университет)

К ИЗУЧЕНИЮ СТРУКТУРЫ МИКРОРАЙОНОВ ПАМЯТНИКОВ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ЛЕСОСТЕПНОГО ПОДОНЬЯ

Впервые вопрос о выделении локальных групп памятников скифского времени на Среднем Дону был поставлен П. Д. Либеровым. Однако, в силу слабой и крайне неравномерной изученности этого региона в 50—60-х гг. ему пришлось ограничить исследование, главным образом, выделением нескольких групп городищ и связанных с ними могильников. В связи с подготовкой материалов к Своду памятников истории и культуры в последние годы завершается археологическое обследование Воронежской области, проводятся интенсивные разведочные работы в соседних областях Центрального Черноземья. Сплошное исследование бассейнов больших и малых рек на всей донской лесостепи позволило создать качественно новую источниковую базу для разработки указанной проблемы. Сейчас в лесостепном Подонье известно свыше 60 городищ и 270 открытых поселений (без учета городецких). Накопленный материал позволяет во многом по-новому реконструировать систему расселения донских племен в скифское время.

В процессе подготовки к разведкам мы обратили внимание на одну особенность местоположения городищ на малых реках донского Правобережья. Как правило, они расположе-

ны в верховьях и низовьях рек. Вызывало недоумение отсутствие связующих их памятников. В 1989 г. нами проведено сплошное обследование поймы р. Камышенка (левый приток р. Тихая Сосна), у истоков которой известно городище Круглое, в низовьях — Кировское городище и его могильник Дуровка. В результате выявлено 6 поселений скифского времени, которые надежно связали оба городища в единый комплекс памятников. Для контрольной проверки подмеченной закономерности мы избрали р. Девицу (правый приток Дона), где у П. Д. Либерова значилось лишь одно поселение скифского времени. Картографирование данных последних разведок археологов И. Е. Бирюкова, И. А. Козмирчука, а также сообщений краеведов И. Я. Ярцева и П. М. Золотарева позволило установить следующую систему расселения: в верховьях реки находится городище у с. Ново-Солдатка, в среднем течении — два небольших городища у с. Мастюгино, а также два открытых поселения, в низовьях — 15 поселений скифского времени. Имеются данные конца XIX в. о наличии в низовьях р. Девица ряда городищ. Скорее всего, именно с этим микрорайоном связаны I и, возможно, II Мастюгинский могильники.

По нашему мнению, выявленная на р. Камышенке и р. Девица система расселения типична для Правобережья Среднего Дона выше р. Тихая Сосна. Скорее всего, она является отражением деления среднедонского населения на отдельные родо-племенные группы. Если это так, то и на других реках можно ожидать подобных результатов и даже их прогнозировать.

Иную систему образуют городища по правому берегу р. Дон от Титчихи на юге до Устья I на севере. Особенностью этой группы является небольшое число неукрепленных поселений. Вероятно, это объясняется тем, что правобережные городища составляли главную оборонительную линию, защищавшую территорию лесостепных племен со стороны Левобережья с его открытыми остепненными ландшафтами. Возможно, ее крайними восточными форпостами являлись четыре городища на р. Битюг, не имеющие сколь-нибудь значительного слоя. Они могли выполнять функцию сторож и одновременно загонов для скота. Это заключение подтверждают остальные памятники Левобережья (свыше 70 поселений), большинство из которых представляют кратковременные стоянки типа кочевий. Аналогичная картина наблюдается и в Правобережье южнее р. Тихая Сосна, где зафиксиро-

вано около 50 кочевий и четыре городища без значительного культурного слоя. Этот район также использовался только под пастбища населением, основной территорией обитания которого было междуречье рек Тихая Сосна и Потудань.

В последнее десятилетие выявлен новый район расселения скифоидных племен в нижнем течении р. Воронеж, представленный 23 городищами и более чем 80 поселениями. Здесь находятся наиболее значительные по размерам и мощности укрепления городища донской лесостепи (III Чертовикское, Подгорное, Каверинское). Судя по концентрации памятников, на Воронеже обитала одна из наиболее многочисленных племенных групп лесостепного Подонья.

По-прежнему наименее изученными остаются верхнедонские памятники (6 небольших городищ и 20 поселений). Судя по этим данным, плотность населения здесь была гораздо ниже, чем на р. Воронеж и Среднем Дону. Видимо, это объясняется ландшафтными особенностями района и его пограничным положением — севернее начиналась территория городецких племен.

В заключение отметим, что, исследуя всю совокупность синхронных памятников каждого микрорайона как систему, можно получить относительно точные представления об особенностях быта, хозяйства, границах и размерах отдельных племенных образований, их количестве и иерархии.

Г. Е. АФАНАСЬЕВ

(Институт археологии АН СССР)

К МЕТОДИКЕ ИЗУЧЕНИЯ НА МАКРОУРОВНЕ САЛТОВСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ БАСЕЙНА СРЕДНЕГО ДОНА

Одна из актуальных задач изучения на современном этапе системы салтовских поселений бассейна Среднего Дона состоит в переходе на качественно новый методический уровень исследования: от формального картографирования памятников и их субъективного сопоставления к изучению археологических карт путем создания проверяемых моделей пространственной археологии, под которой подразумевается научное направление, ориентированное на получение исторической информации методом выявления пространственных связей между археологическими объектами.

Исходный вопрос нашей темы — определение размера порядка поселений. В 1913 г. немецкий географ Ф. Ауэрбах установил следующую зависимость: население n -го по размеру города составляет $1/n$ числа жителей самого большого города. Эта зависимость, названная правилом Ципфа или правилом «ранг — размер», была в дальнейшем подтверждена большой серией практических наблюдений, вновь суммированных на теоретическом уровне в работах П. Хаггета. Правило Ципфа, подразумевающее, что изменения в величине поселений являются результатом экономических, политических и других явлений, основано на предположении о существовании взаимосвязи между размерами поселений и их рангом (значением) среди других в данном регионе.

Ранг поселения исчисляется по формуле: $R_n = P_1/R$, где R_n — население города соответствующего ранга, P_1 — население самого крупного города в регионе, R — ранг данного города в последовательности населенных пунктов анализируемого региона. Но поскольку определение единовременного числа обитателей древних поселений имеет в археологии еще слабое обоснование, И. Ходдер предложил использовать в данной формуле площадь древних поселений (S) вместо численности населения (P). В итоге была сохранена основная идея правила Ципфа, что поселение n -го ранга является функцией самого большого поселения в регионе.

В отечественной археологии модифицированное правило «ранг — размер» прошло успешную апробацию при изучении салтовских поселений долины Оскола. Итоге открытые там 68 салтовских поселений, протянувшиеся цепочкой на протяжении 130-километрового участка долины реки, распределились на 21 ранг начиная от самого крупного площадью 66 га и кончая маленькими, площадью до 1 га. Следующий этап работы заключался в построении графика действительного распределения рангов салтовских поселений, сделанного в арифметической и логарифмической системах координат. Анализ этих графиков показывает, что изогнутая кривая в зависимости от наклона на том или ином участке делится на пять отрезков, которые могут соответствовать пяти типам поселений. Их количественное соотношение находится в следующих пропорциях: 1 — 6,3%; 2 — 12,7%; 3 — 7,9%; 4 — 11,1%; 5 — 61,9%.

Располагая типологией салтовских поселений (основанной на их площадях) мы можем теперь рассмотреть их взаимосвязь путем моделирования и оценки транспортной сети ре-

гиона, а также построения гравитационной модели, в которой величина связи исчисляется по формуле: $M_{ij} = S_i \times S_j / D_{ij} \times D_{ij}$, где M_{ij} — величина связи между населенными пунктами, S_i — площадь одного пункта (i), S_j — площадь второго пункта (j), D_{ij} — расстояние между пунктами i и j . В итоге была составлена матрица гравитационных связей, которая позволила сформировать соответствующий граф. Он показывает, что поселения долины Оскола дифференцируются на 8 микрорегионов. В основе каждого из них лежат самые крупные поселения (1—2 типов) площадью от 66 до 18 га, выполняющие в своих микрорегионах функции центральных. Эти поселения расположены друг от друга на расстоянии 9—22 км; в среднем разделяющая их дистанция составляет 16,1 км. К каждому из центральных поселений тяготеют несколько поселений сателитов (3—5 типов).

Проведенный анализ показал, что общим центральным местом для системы салтовских поселений долины Оскола, а также центральным местом для своего микрорегиона является самое крупное по площади поселение — Ютановская агломерация площадью 66 га. Этот населенный пункт в силу своего высокого ранга обладал максимально широким набором функций и услуг, оказываемых носителям салтовской культуры, что и обусловило более высокую концентрацию здесь населения. Центральные поселения микрорегионов выступают как населенные пункты более низкого порядка, чем общее центральное место. Обращает на себя внимание факт полной сопряженности центральных поселений микрорегионов с распределением в долине Оскола городищ, использовавшихся носителями салтовской культуры в качестве убежищ. Остальные поселения в микрорегионах хотя и отличаются друг от друга по размерам, но выступают преимущественно как центры по обслуживанию собственного населения. Таким образом изучение пространственных связей между поселениями на макроуровне создает предпосылки для получения качественно новой информации об отношении, динамике и связях между салтовскими поселениями долины Оскола. Оно позволяет создать проверяемую модель системы заселения региона носителями салтовской культуры, оценить и проанализировать материал на базе научно обоснованной теории пространственного археологического анализа с учетом новых требований и задач, стоящих перед современной археологией.

А. П. ТОМАШЕВСКИЙ
(Институт археологии АН УССР)

К МЕТОДИКЕ МИКРОРЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Развитие археологической науки на современном этапе объективно связано с постановкой сложных реконструкций исторического процесса, оценки уровня развития конкретных обществ прошлого, моделирования способа жизнедеятельности древних коллективов. Возможность решения этих проблем связывается с применением комплексного подхода (Толочко, 1988). Одной из важнейших составляющих комплексного изучения является территориальный аспект, включающий систему узловых характеристик. Среди них: система заселения, организация обитаемого пространства, качество природной среды в древности и степень ее антропогенной преобразованности, плотность населения.

При данном состоянии источниковедческой археологической базы, неравномерной обследованности территории и отсутствии дробной хронологии возникают закономерные трудности в организации достоверных исследований крупных ареалов (таких как археологическая культура, локальный вариант, «земля», «волость»). Проведение подобного комплексного анализа возможно в рамках микрорегионов, которые близки географическим ключевым участкам (полигонам).

Выбор микрорегиона для исследования определяется уровнем археологической и географической изученности территории, репрезентативностью микрорегиона в рамках как конкретной агломерации (типичностью), так и исторической области в целом. Необходимо также иметь возможность для проведения специального историко-археологического анализа. Изучение достаточно крупных территорий, базирующееся на микрорегиональных (ключевых) разработках с соотношением этих результатов и общей археологической карты представляется наиболее корректным.

Основной структурной ячейкой является объединение: поселение (городище, селище) — могильник (и сакральное ядро) — хозяйственная зона. Микрорегиональная методика открывает возможность для решения вопроса о взаимоотношении составных элементов такого объединения (Niewętkowski, 1974). Данный подход позволяет определять границы

селитебно-хозяйственных единиц (СХЕ), делает возможной систематизацию данных о структуре гнезд-агломераций.

Особо следует отметить первостепенное значение изучения природного фона СХЕ, выполняющего не только функцию места обитания, но — главное — важнейшего компонента производительных сил. Наиболее перспективным представляется применение ландшафтного анализа, синтезирующего сведения о геоморфологии, рельефе, почвенном покрове, растительных сообществах, ископаемых ресурсах и данных историко-ландшафтных срезов. Ключевым таксоном здесь выступает природно-территориальный комплекс (ПТК) (Маринич, Галицкий, Запольский и др., 1986).

Микрорегиональная методика предполагает осуществление ряда исследовательских операций: поливариантного поэтапного картографирования СХЕ на ландшафтной основе; планиграфического анализа поселенческих и погребальных комплексов; уточнения хронологических этапов развития микрорегиона.

Полученные материалы дают основания для общих демографических расчетов, а с учетом продуктивной оценки ландшафта — построения эколого-экономической модели жизнедеятельности изучаемого палеоколлектива при учете динамики хозяйственного и социального развития.

Хронологические рамки микрорегионального анализа в русле изучения традиционности обитания могут расширяться с привлечением этнографических, исторических, статистических материалов, данных земельных кадастров. Ценные наблюдения дают микроареальные лингвистические исследования, методика которых пока слабо разработана (Чернов, 1989). Велики информативные возможности применения естественно-научных дисциплин (антропологии, остеологии, палеоботаники, палинологии, абсолютного датирования и др.).

Актуальность микрорегиональных исследований должна стимулировать совершенствование методики полевого обследования территории. Необходимой становится структурная четкость описания археологических памятников, дополненная специфическими наблюдениями. Среди последних назовем фиксацию ландшафтоопределяющих признаков, акцентирование внимания на остатках производственно-промышленной деятельности, уточнение пространственных параметров памятников и качественно-количественной характеристики культурного слоя.

А. П. МОЦЯ, А. Х. ХАЛИКОВ

(Институт археологии АН УССР,
Институт языка, литературы и истории
Казанского филиала АН СССР)

ПУТЬ ИЗ БУЛГАРА В КИЕВ: РЕЗУЛЬТАТЫ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЙ

В жизни Киевской Руси, как и Волжской Булгарии, в X—XIII вв. особое место занимали торгово-экономические связи, проходившие не только водными (по Днепру, Десне, Оке, Волге), но и сухопутным путем. На это одним из первых среди советских исследователей обратил внимание Б. А. Рыбаков, который на основе разработок арабских географов средневекового времени Джейхани и Идриси предложил возможный сухопутный вариант маршрута из Булгара в Киев. В последующем этот вариант дороги между двумя столицами средневековых государств продолжал привлекать внимание исследователей, но в большинстве случаев только теоретически. С сожалением нужно отметить, что это касается практически всех известных древних путей (с точки зрения археологической науки).

В 1989 г. Институт археологии АН УССР и Институт языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР провели первую совместную экспедицию, во время работы которой был исследован в основном не сам путь, а те возможные остановочные пункты — дневки или манзили, расположенные на этом пути.

В результате проведенных работ, начавшихся от известного Билярского городища, удалось наметить основную схему древнего пути, определить не только некоторые пункты дневков, но даже отдельные места ночевки. Кроме того, были очерчены места переправ через такие крупные реки, как Волга (южнее современного Ульяновска, в районе сел Крестово — Городище — Кайбелы — Криуши), Сура (район с. Золотаревка), Дон (Животинное городище севернее Воронежа), Днепр (район Выдубецкого монастыря у древнего Киева). Таким образом, удалось выявить определенные закономерности не только в направлении и движении самого пути, но и в специфике расположения остановочных пунктов. Была предпринята попытка увязать некоторые из археологических комплексов с известными по письменным источникам

(летописям, известиям арабских авторов) древними городами и урочищами.

По материалам первой совместной экспедиции уже можно сделать ряд предположений и выводов:

1. Путь движения караванов средневекового времени шел почти напрямую из Булгара в Киев, как и наоборот, причем он в основном ориентировался на слабо залесенные и мало заселенные междуречья Днепра и Десны, Дона и Оки, Суры и Волги.

2. Путь, в целом рассчитанный на продолжительность в два месяца (60 дней) с 40-дневными переходами и 20-дневными дневками — манзиями, очень четко делился примерно на две равные части: киевскую, подчиненную или охраняемую Древнерусским государством, и болгарскую — под протекторатом Волжской Булгарии. Середина пути приходилась на Цнинско-Донское междуречье, где располагалась область «Эртиль» — по-тюркски «Урта-Юл» или «середина пути».

3. В пределах государственной территории, которая для Руси начиналась (заканчивалась) примерно в районе с. Гочево современной Курской области, где находится известный еще по исследованиям Д. Я. Самоквасова Гочевский археологический комплекс, для всех дневок было характерно, как это установлено изучением Гочевского, Горнальского, Зелено-Гайского, Городищенского, Липовского, Петровского археологических комплексов: а) удобные подходы со стороны пути; б) наличие относительно сухих и обширных пойм с защищенными лугами-выпасами; в) обязательное наличие поселенческо-охранного комплекса, состоящего из городища-крепости, обширного селища и курганного могильника, часто весьма крупных размеров, что в целом представляло собой вид поселений типа открытых торгово-ремесленных поселков или вигов. Но при определенных обстоятельствах часть этих протогородов, ориентированных на внешнюю торговлю, могла превратиться в ординарный древнерусский городской центр (Городище — летописный Выхань).

4. В пределах Волжской Булгарии или подчиненной ей с рубежа X—XI вв. земли обугаризированных буртас путь начинался примерно в районе современной Пензы и характеризовался приблизительно теми же особенностями. Но в отличие от Руси на болгарской территории укрепленные места предназначались не только для людей, но и для животных (например, Кокрятское, Юловское городища с обширными слабо заселенными площадками госадов).

5. В межгосударственных землях — т. е. на отрезке пути между Пензой и Воронежем — маршрут, как правило, проходил по почти незаселенным районам, а дневки-манзии обычно располагались в укромных местах, где отсутствовали любые укрепленные пункты. Очевидно, строительство здесь укреплений, где необходимо было держать постоянную охрану, являлось нецелесообразным, ибо их возникновение на межгосударственной территории могло бы стать поводом для нападения как со стороны Руси и Булгарии, так и со стороны агрессивных южных кочевников — печенегов, половцев.

6. Предварительные наблюдения показывают, что путь из Булгара в Киев проходил по строгому маршруту, осваиваемому еще в эпохи энеолита и бронзы (сосредоточение здесь большого числа курганов, находки сейминско-турбинского металла), раннего железного века (киммерийский металл), в период раннего средневековья (расположение на пути постзарубинецких и именьковских памятников, кладов типа Суджанского). Знали этот путь, очевидно, и древние венгры. Но особенно активно этот путь был освоен булгарами и Русью.

Дальнейшее изучение пути, намеченное на 1990—1991 гг., позволит углубить и более аргументированно представить перечисленные выше предварительные выводы, что в свою очередь более ярко и полнее реконструирует культурно-экономические и политические связи между крупнейшими государствами эпохи средневековья на территории Восточной Европы. Наиболее целесообразным было бы изучение не только намеченных в 1989 г. пунктов на самом киево-булгарском маршруте, но и проведение комплексных исследований в каждом конкретном микрорегионе, имеющем отношение к разработке представленной темы. Для этого необходимо скоординировать усилия археологов многих научных центров.

А. Д. ПРЯХИН

(Воронежский университет)

ВОРОНЕЖСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МИКРОРАЙОН

Микрорайон охватывает нижнее течение р. Воронеж с его притоками и прилегающую территорию долины р. Дон. Важно подчеркнуть, что в ландшафтном отношении большая

Уже приведенный пример позволяет с безусловностью констатировать различную степень заселенности рассматриваемой территории на разных этапах как эпохи бронзы, так и в период раннего железного века и в раннее средневековье: фиксируется явное уменьшение плотности заселения этой территории в конце II — начале I тыс. до н. э., к середине I тыс. н. э., в первые века текущего тысячелетия.

Говоря о достигнутом уровне в изучении данного территориального микрорайона нельзя не видеть, что тем самым открываются новые возможности для последующей разработки ряда исследовательских тем, конечным итогом чего должно явиться изучение относимого к конкретному историческому периоду социального целого (пример изучения и оценки так называемого воронежского узла памятников древнерусского времени).

Нельзя не видеть, что с выходом на новый уровень изучения и осмысления отдельных массивов населения, соответствующих конкретным археологическим культурам, данный территориальный микрорайон в каждом конкретном случае может распадаться на составные части, в свою очередь включаемые в свои микрорайоны археологических памятников.

Наконец, говоря о значении изучения воронежского археологического микрорайона нельзя сбрасывать со счетов и того обстоятельства, что в результате рельефно очерчивается необходимость развертывания работ по музеефикации находящихся здесь наиболее значительных археологических объектов. Сказанное прежде всего относится к группе городищ и курганных могильников, включаемых в воронежский узел памятников древнерусского времени.

СЕКЦИЯ: ВОРОНЕЖСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МИКРОРАЙОН

Ю. П. МАТВЕЕВ
(Воронежский университет)

ПАМЯТНИКИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ II ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э.

Очерченный район с позиций природно-климатических, ландшафтных и почвенных условий не представляет нечто

целостное. В то же время на сегодняшний день это безусловно наиболее исследованная в археологическом плане территория Среднего Подонья, что открывает возможности для анализа хозяйственного освоения края в целом и демографических процессов в древности.

Древнейшие, довольно многочисленные свидетельства освоения района относятся к неолитической эпохе. В гораздо большей степени он осваивается в эпоху энеолита — ранней бронзы. Причем, именно с этого времени отчетливо проявляется тенденция к освоению не просто речных долин, а именно их отдельных участков. Это в первую очередь низовья р. Воронеж и р. Усмань, отдельные участки р. Дон, с широкой и в то же время относительно высокой, незаболоченной поймой. Такой процесс несомненно связывается с земледельческо-скотоводческим укладом данной эпохи. Не противоречит этому и появление мысовых поселений, в особенности для в значительной степени древнеямной культуры, когда окончания мысов использовались как естественные загоны.

Фактически продолжение этих процессов хозяйственного освоения района, при известной их активизации, фиксируется и во время существования среднедонской катакомбной культуры.

Разведками и раскопками здесь выявлены десятки памятников этой культуры, относящихся к различным этапам ее развития. Большей частью это местонахождения керамики, но даже их распространение фиксирует плотную заселенность территории. Здесь же сконцентрирована большая часть изученных раскопками катакомбных поселков (как правило на многослойных поселениях) — Университетские 1, 2 и 3, Шиловское, Семилукское, Рыкань 2 и 3 и др.

Для раннего этапа типичны недолговременные поселки, соответствующие подвижному, преимущественно скотоводческому хозяйству степного типа. Они располагались, как и памятники предшествующего времени, в тех же, наиболее удобных для примитивного производящего хозяйства местах, на дюнах в пойме, на мысах первой надпойменной террасы вблизи воды, а также на мысах второй и третьей надпойменных террас. Курганы этого времени, судя правда по другим районам, также концентрируются в поймах рек или на оконечностях мысов.

На следующем этапе развития культуры существуют исключительно припойменные поселки, причем стационарные поселения с мощным культурным слоем концентрируются по

краям первой надпойменной террасы, а на дюнах располагаются недолговременные стоянки того же характера, что и в предшествующее время. Сам ареал поселений более широк — они не только густой сетью покрывают вышеупомянутые удобные места и несколько выходят за их границы, но и располагаются в устьях мелких притоков Дона и Воронежа, в частности в правобережье Дона. Это может свидетельствовать о возрастании роли земледелия. С другой стороны, появление могильников на водоразделах (Усманский курган, Новоусманский могильник) возможно указывает на изменение характера скотоводства, когда вместо традиционного освоения долин рек во все большей степени осваиваются междуречья. С выводом о трансформации припойменного скотоводства согласуется и фиксируемое исчезновение мысовых поселений.

Материалы заключительного этапа данной культуры представлены на поселениях единичными находками. Но именно в данном районе найдена большая часть из известных на сегодняшний день немногочисленных погребений (могильники Орлиное Болото, Новоусманский, Малые Горки). Они в известной степени свидетельствуют о закреплении указанной направленности хозяйственного развития.

Культурные традиции, выработанные населением среднедонской катакомбной культуры получили развитие как у родственного населения культуры многоваликовой керамики, так и более поздних культур данного района.

В. И. БЕСЕДИН

(Воронежский университет)

К ОЦЕНКЕ ПАМЯТНИКОВ ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ II ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э.

Территория Воронежского микрорайона в рассматриваемое время являлась местом активных контактов различных культурных групп, имевших, скорее всего, и разные направления хозяйственной деятельности.

К началу второй четверти II тысячелетия до н. э. здесь происходят значительные изменения в культурно-исторической обстановке. Важнейшей их особенностью является то, что среднедонская катакомбная культура, занимавшая преобладающее положение в предшествующее время, теперь почти полностью сменяется воронежской и доно-волжской абашев-

ской. В рамках микрорайона позднейшие катакомбные погребения известны лишь в бассейне р. Усмань (Орлиное Болото, Малые Горки и др.). Они оставлены небольшой, очень однородной группой населения, испытавшей существенное воздействие воронежской культуры.

На короткое время ведущие позиции в правобережье р. Воронеж и далее за р. Дон занимает воронежская культура, население которой на раннем этапе освоило не только почти все удобные для жизни мысы, но отчасти и поймы крупных рек микрорайона, где отмечены кратковременные стоянки и более стационарные поселения. Среди них особое значение имеют материалы Шиловского и Семилукского поселений, в которых нашли отражение сложные процессы, связанные с происхождением воронежской культуры.

Вместе с тем, уже ко времени первого этапа воронежской культуры, надо думать, относятся и раннеабашевские материалы из поймы р. Воронеж. Фиксируется процесс постепенного вытеснения абашевцами населения воронежской культуры, нашедший отражение в материалах поселений Чижовские 2, 5 и др.

Для понимания абашевских древностей ведущие позиции наряду с хорошо изученными поселениями занимает Подклетненский могильник в междуречье рек Дон и Воронеж. Материалы этого памятника отражают все основные этапы освоения абашевским населением данного микрорайона. Корреляция ориентировок могильных ям, их размеров, стратиграфии и вещевого инвентаря позволяет выделить две основные группы погребений. Первая, инвентарь которой имеет наиболее архаичные черты, характеризуется юго-восточной ориентировкой и положением погребенных на спину. Вторая группа погребений, известная не только в Подклетненском, но и других могильниках микрорайона, представлена захоронениями с северной и северо-восточной ориентировкой. Инвентарь этих погребений имеет более поздний облик. Особо выделяются захоронения в ямах крупных размеров, содержащих наряду с керамикой бронзовые ножи, наконечники стрел, псалки и другой инвентарь, свидетельствующий об особом статусе погребенных.

Постепенно меняется характер абашевских поселений. На смену кратковременным стоянкам раннеабашевского времени (Северо-Восточное, Тавровское и др.) приходят крупные стационарные поселки (Шиловское).

Следует отметить существенную особенность освоения

абашевцами района: если поселения располагались в поймах и на первых террасах крупных рек (Дон, Воронеж), то могильники фиксируются преимущественно в бассейнах малых рек (Усмань, Хава и др.), где абашевских поселений почти нет. За этим фактом, видимо, стоят различия в хозяйственной деятельности групп абашевского населения.

Финал абашевских древностей района иллюстрируют материалы поселений по р. Песчанке, Шиловского и ряда могильников, в которых отчетливо прослеживается сильное срубное воздействие.

Г. А. ЛЕВЫХ
(Воронежский университет)

ПАМЯТНИКИ ДОНСКОЙ ЛЕСОСТЕПНОЙ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ

На территории Нижнего течения р. Воронеж, включая ее притоки — реки Усмань, Инютинка, Песчанка, а также близлежащие окрестности р. Дон, известно более ста бытовых и погребальных памятников донской лесостепной срубной культуры. Около трети из них изучались раскопками. Такая степень изученности района, учитывая определенную неоднородность его природных условий, дает возможность для анализа хозяйственной деятельности данного населения и позволяет проследить развитие демографических процессов в это время.

Наблюдается преемственность хозяйственной деятельности племен доно-волжской абашевской и срубной культур в скотоводческо-земледельческом укладе хозяйства. Наряду с отгонным скотоводством и связанной с этим высокой степенью освоения степных пространств в рассматриваемое время заметно возрастает роль земледелия.

Развитие земледелия предопределило высокую степень освоения широких пойм рек. И не случайно большинство срубных поселений располагались на надпойменных террасах и дюнах. Причем культурный слой дюнных поселений, как правило, незначителен, что, возможно, связано с сезонным функционированием находящихся там поселков.

Количество поселков донской лесостепной срубной культуры на раннем этапе ее развития было приблизительно таким же, как и в абашевское время. Зато на развитом эта-

пе их число сильно возрастает. Материалы этого времени встречаются почти во всех пригодных для хозяйственной деятельности местах. Можно сказать, что археологически фиксируется своеобразный демографический взрыв. Такое интенсивное увеличение численности населения связано с развитием производительных сил, и в первую очередь, с развитием металлургии и металлообработки, свидетельства которых известны с ряда рассматриваемых поселений.

Известные на сегодняшний день срубные поселения довольно отчетливо подразделяются на несколько территориальных групп. Возможно, что за отмеченной локализацией поселений по отдельным группам фиксируются определенные социальные структуры.

Совершенно иная ситуация наблюдается на позднем этапе развития срубной культуры. Наблюдается резкое сокращение числа поселков. Вероятно такая ситуация отражает кризис скотоводческо-земледельческого хозяйства, наступившего в результате значительного увеличения плотности населения и истощения природных ресурсов.

А. С. САВРАСОВ
(Воронежский университет)

РАЗВИТИЕ ТРАДИЦИЙ МЕТАЛЛООБРАБОТКИ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ

Осуществленные в рамках воронежского археологического микрорайона исследования памятников доно-волжской абашевской (поселения Шиловское, Усманка 2 и др.) и донской лесостепной срубной культур (поселения у Вогрэсовской дамбы, Боровское и др.) позволяют констатировать факт наличия на них отчетливых следов металлообработки, которые представлены глиняными литейными формами, плавильными чашами, каменным кузнечным инструментарием и другими свидетельствами.

Четко зафиксированный факт предшествования в данном районе абашевцев срубникам, а также результаты исследования памятников со смешанными абашевско-срубными и срубно-абашевскими материалами позволяют высказать дополнительные суждения в пользу фиксации воздействия абашевских металлургических традиций на металлообработку донской лесостепной срубной культуры.

В данном отношении наиболее информативными являются литейные формы для отливки вислообушных топоров. Для доно-волжской абашевской культуры характерны две разновидности форм предназначенных для отливки вислообушных топоров. Первая из них представлена формами, имеющими со стороны спинки негатива сильно выгнутую, «угловатую» плоскость, а со стороны брюшка — сильно вогнутую. Судя по негативам, в подобных формах отливались топоры с ярко выраженным скосом верхнего края втулки и изогнутым клином. Вторая разновидность литейных форм представлена створками, имеющими более подпрямоугольные очертания (незначительный изгиб верхней плоскости и менее выраженная вогнутость нижней плоскости). Отличительные особенности топоров, отливаемых в этих формах — это незначительный скос верхнего края втулки, наличие валикового утолщения в месте соединения втулки со спинкой клина и наличие прямого клина. Характерная черта в форме негативов обоих разновидностей литейных форм — округлое оформление обушной части.

Литейные формы донской лесостепной срубной культуры имеют в целом более тождественные морфологические признаки. Они представляют собой подпрямоугольные бруски, расширяющиеся при переходе к втульчатой части негативов. В подавляющем большинстве случаев створки со стороны спинки негативов имеют незначительно изогнутую поверхность, со стороны брюшка поверхность также в большинстве случаев незначительно вогнута. Негативы на них характеризуют топоры, имеющие прямой клин, массивную слабо-скошенную в верхней части втулку, образующую плоский обух.

Сравнительный анализ литейных форм доно-волжской абашевской и донской лесостепной срубной культур показывает, что традиции изготовления абашевских литейных форм и отливаемых в них топоров уже в трансформированном виде проявляются в металлообработке срубников и являются важнейшим компонентом, который необходимо учитывать при характеристике металлообрабатывающего очага донской лесостепной срубной культуры.

Ю. Г. ЕКИМОВ, В. И. БЕСЕДИН

(Тульский областной краеведческий музей,
Воронежский университет)

ПАМЯТНИКИ КОНЦА II — НАЧАЛА I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э.

Результаты исследований памятников в нижнем течении р. Воронеж и прилегающих районах дают основание говорить о значительных изменениях культурно-исторической обстановки в лесостепном Подонье в конце II тысячелетия до н. э. Выделяются две хронологические группы этого времени. Первая представлена финальными срубными (валиковыми) памятниками — 3 этап по А. Д. Пряхину и Ю. П. Матвееву. Вторая, в целом более поздняя, включает памятники бондарихинской культуры и материалы близкие кобяковским. Нередко все они встречаются на одних и тех же многослойных поселениях (Шиловское, Чижовское 4, Тавровское).

В отличие от позднесрубных памятников в материалах бондарихинской культуры не фиксируются традиции высоко-развитой металлургии бронзы. Напротив, значительное место в хозяйственной деятельности занимают кремневые орудия, что указывает на возможное проникновение населения из более северных районов.

Имеющиеся данные позволяют наметить деление бондарихинских памятников на более ранние, представленные материалами поселения Рыкань 2, и возможно синхронные позднесрубным, и более поздние (Тавровское, Семилукское).

Подкурганные погребения, несмотря на хорошую исследованность могильников, фактически неизвестны. Не исключено, что появление новых групп населения привело к смене погребального обряда. Частично это подтверждается наличием единичных грунтовых захоронений (Чижовское 4).

Выявленные в могильниках «Частые курганы», Подклетненский погребения так называемого киммерийского типа фиксируют начало уже новой эпохи — раннего железного века.

ПАМЯТНИКИ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ

Территория микрорайона в скифское время была широко освоена в хозяйственном отношении и плотно заселена, что обусловлено наличием здесь плодородных черноземных почв и других благоприятных для земледельческо-скотоводческой культуры природных факторов. Здесь известно 21 городище, свыше 50 неукрепленных поселений и 2 могильника. Раскопкам подвергались 20 памятников (наиболее значительные из них Частые курганы, городища Семилукское, Чертовицкие II и III, Животинное, поселение 3 у с. Подгорное).

Основная часть памятников сосредоточена в правобережье р. Воронеж, что связано, очевидно, с его ландшафтными особенностями. Правый — высокий и крутой берег реки, изрезанный оврагами и балками, представлял идеальные условия для создания целой сети городищ и существовавших под их защитой неукрепленных поселков. Последние расположены в большинстве на мысах, но также на надпойменных террасах и дюнах, что свидетельствует о широком хозяйственном освоении как поймы, так и коренного правого берега.

Левобережная часть поймы, по имеющимся данным, была заселена на отдельных участках. Вне поймы р. Воронеж, на берегах ее левых притоков, выявлены лишь отдельные поселения и одно Каверинское городище. Очевидно, бассейн р. Усмань, как и все левобережье Среднего Дона, входил в зону расселения кочевых племен. Как кочевнические можно предварительно интерпретировать расположенные здесь культовое сооружение в Усманском кургане и городище-святилище у с. Орлово.

На берегах р. Дон имеется довольно значительное количество поселений, однако в большинстве своем сравнительно бедных культурными остатками. Частично они группируются вокруг немногочисленных городищ.

По материальной культуре городища и поселения сближаются с памятниками выделенной П. Д. Либеровым среднедонской культуры скифского времени. Они, как правило, датируются IV—III вв. до н. э., хотя по имеющимся отдельным свидетельствам некоторые поселки существовали вплоть до начала н. э.

Особенностью рассматриваемой территории является ее непосредственная близость к ареалу распространения памятников городецкой культуры. Взаимодействием двух культур объясняется наличие в керамических коллекциях с ряда памятников некоторого количества «рогожной» керамики. Можно предположить, что в ранний период скифского времени в низовьях р. Воронеж существовали городецкие поселения (Чертовицкая стояка).

Исследованные раскопками погребальные памятники скифского времени позволяют сделать вывод о социальной и, видимо, этнической неоднородности связанного с ними населения. Хронологически близкие погребения в Частых курганах и на Семилукском городище обнаруживают различия как в обряде, так и в инвентаре. Первые, в большинстве воинские, богатые по набору вещей, были оставлены, как представляется, кочевой группировкой иранского мира. Семилукские захоронения, специфичные по обряду и бедные по инвентарю, принадлежали рядовому земледельческому населению, этнически пока неопределенному.

Результаты изучения памятников скифского времени на рассматриваемой территории позволяют разделить их на три группы (бассейны рек Воронеж, Дон и Усмань), различающиеся не только своим географическим положением, но и, возможно, особенностями хозяйственного уклада оставившего их населения. Не вызывает сомнения наличие между этими памятниками тесных связей, более полная характеристика которых является задачей дальнейших исследований.

В. Д. БЕРЕЗУЦКИЙ
(Воронежский пединститут)

К ВОПРОСУ О ЛОКАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ МОГИЛЬНИКА «ЧАСТЫЕ КУРГАНЫ»

«Частые курганы» являются основным погребальным памятником скифского периода Воронежского микрорайона. Его раскопки были начаты ВУАК в начале XX столетия, продолжены В. А. Городцовым, П. Д. Либеровым и полностью завершены Новостроечной экспедицией ВГУ в 1981 г.

Уже П. Д. Либеров впервые указал на некоторые особенности «Частых курганов» в сравнении с другими могильниками: более низкий удельный вес коллективных погребений, пре-

обладание широтной и меридианальной ориентировок могильных ям, южной ориентации костяков, отсутствие сожжений, более частая встречаемость некоторых категорий инвентаря — узды и панцирных пластин. По уточненным данным предметы конской упряжи в «Частых курганах» встречены в 45% погребений (для сравнения — в курганах у с. Мастюгино — 18%), панцирных пластин — более 30% (у с. Мастюгино — 18%).

П. Д. Либеров исходил из понимания погребального обряда среднедонского населения скифского периода как результата развития обрядности местных племен эпохи бронзы. Отсюда выявленные различия трактовались им, главным образом, как хронологические (изменение типов погребальных сооружений), или рассматривались как результат влияния внешней среды (влияние савроматов на обряд кремации покойников).

Проведенный хронологический анализ всех имеющихся в нашем распоряжении среднедонских погребений показал, что в одно и то же время здесь сосуществовали различные погребальные конструкции: простые квадратные или прямоугольные в плане ямы, ямы с канавкой, срубы, сооружения с канавкой и столбовыми ямками и др. Наблюдается не только сосуществование различных типов погребальных сооружений, но и способов захоронений — сожжения и трупоположения. В «Частых курганах» одновременно бытовали простые ямы, ямы с пятью и более столбовыми ямками, редко — ямы с канавкой. Простые ямы составляют в могильнике более 50% погребений, в других могильниках Среднего Дона этот показатель более низкий. Отсутствуют в могильнике ямы с канавками и столбами, расположенными по периметру ям, срубы на горизонте и другие типы погребальных сооружений, характерные для курганов у сс. Русская Тростянка, Мастюгино, Стояново, Дуровка (Вербное).

Комплексный анализ всех составляющих погребального обряда и инвентаря показывает, что типологическое различие погребальных сооружений внутри одного могильника отражает не столько хронологические различия (они очевидно имеются, но пока трудно улавливаются), сколько, во-первых, социальный статус погребенных (внутри могильника это — разные по сложности погребальные конструкции, неоднородный состав инвентаря в курганах и т. д.), а во-вторых, этнокультурную обособленность родо-племенной группы, оставившей «Частые курганы». Эта особенность проявляется, види-

мо, и в ориентации могильных ям и костяков, в отсутствии трупосожжений. В целом же выполнение обрядовых установок в «Частых курганах» не выходит за рамки традиций, существовавших на Среднем Дону в V — нач. III вв. до н. э.

И. Е. БИРЮКОВ
(Воронежский университет)

ПАМЯТНИКИ САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ

В последние века до н. э. на территории микрорайона происходили сложные исторические процессы, приведшие к смене этнического состава, типа хозяйства и сокращению численности населения. Известные в скифское время городища и поселения прекращают свое существование, что связано, очевидно, с вытеснением оседлого земледельческого населения в глубинные районы лесостепи. По имеющимся данным, в сарматское время функционировали лишь отдельные поселки (Животишное городище, поселение Чижовское-2 и др.). Они выделены по наличию в культурном слое керамики и вещей сарматского облика.

Культура населения микрорайона этого периода представлена в основном тремя курганными могильниками и отдельными погребениями, датирующимися I—III вв. н. э. Они составляют одну из трех, выделенных А. П. Медведевым, локальных групп памятников сарматского времени в лесостепном Подонье. Погребальный обряд и материальная культура позволяют определить этническую принадлежность населения первых веков н. э. как сарматскую. Но в то же время выделяется присутствие в погребениях, сарматских по обряду и инвентарю, лепных сосудов, восходящих к местной керамической традиции скифского времени. Кроме того, наличие грунтовых погребений наряду с подкурганными указывает на значительную степень оседлости.

Полученные материалы позволяют предположить наличие на данной территории контактов сарматов-кочевников и местного лесостепного населения — потомками племен среднедонской культуры скифского времени.

СЛАВЯНСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ VIII — НАЧАЛА XI ВВ.

Первые волны славянского населения в бассейне р. Воронеж стали проникать в VIII в. Именно к этому времени относятся наиболее ранние поселения в данном районе: Чижовское-5, у ВОГРЭСа, Лысогорское селище, у с. Ярлуково. К этому времени относится лишь незначительное освоение отдельных участков реки Воронеж. Поселения были небольшие по площади, количеству жилищ и жителей. Соответственно и нет больших могильников, связанных с этим первоначальным периодом освоения славянами р. Воронеж. Обнаружено лишь одно бескурганное погребение на месте Лысогорского селища. Первые поселенцы — выходцы с Днепровского Правобережья свои поселки устраивали и на надпойменных террасах, и на дюнах, и на высоких коренных берегах — какого-либо стабильного характера поселений не было. Заселялся край исключительно благоприятный с точки зрения физико-географических и экологических условий, т. к. на протяжении предшествующего ряда столетий здесь не было сколько-нибудь значительных групп населения, которые бы «эксплуатировали» природу. В силу этих обстоятельств имелись условия для активного занятия охотой, рыбной ловлей, что не могло не сказаться на притоке сюда в последующее время значительных масс славянского населения.

На рубеже VIII—IX вв. и в течение IX в. количество славянского населения на р. Воронеж резко возросло, что проявилось в появлении значительного числа укрепленных поселений и могильников, которые имеются практически при каждом поселении. Все городища имеют по несколько линий укреплений, отражающих определенные этапы их роста. В это время на р. Воронеж совершенно отсутствуют неукрепленные поселения-селища и нет прослеженных в более западных районах восточнославянского мира гнезд поселений, отделенных друг от друга свободными пространствами в несколько километров. Укрепленные поселения идут сплошной цепью от впадения р. Воронеж в Дон (Шиловское городище) до р. п. Рамонь, отделяясь одно от другого несколькими километрами. И лишь Липецкое городище отстоит от основного массива славянских городищ на несколько десятков километров. Каждое из городищ является вполне оформленным с со-

циальной точки зрения поселением. Наличие практически при каждом из них кладбищ (курганых могильников), мощных деревянных оборонительных конструкций, значительного числа жилищ, остатки которых прослежены в виде западин, позволяют предполагать племенной характер каждого из них или части племени, которое переселилось сюда довольно компактно из Днепровского бассейна.

Демографическая ситуация на р. Воронеж в конце I тыс. н. э. осложнилась тем, что сюда из района северо-западного пограничья Хазарского каганата — территории салтово-маяцкой культуры переселилась часть алано-болгарского населения, которая поселилась на славянских поселениях, несколько изменив их этно-культурный облик. Появление части вятического населения со Среднего Дона также несколько нарушило стабильность этнического состава славянских поселений на р. Воронеж.

Славянские поселения на р. Воронеже существовали до конца X — первой четверти XI в. Причем жизнь на них замерла не одновременно. Некоторые из них (Белогорское городище) были оставлены раньше, другие (Животинное городище) — позже. И некоторое время река Воронеж была, вероятно, вне сферы обитания постоянного славянского населения.

М. В. ЦЫБИН
(Воронежский университет)

ДРЕВНЕРУССКИЕ ПАМЯТНИКИ XII—XIV ВВ.

Рассматриваемый район бассейна Дона и Воронежа в период развитого средневековья на фоне смежных территорий лесостепной зоны отличался повышенной лесистостью. В долине р. Воронеж, в доно-воронежском междуречье, в долине Дона леса занимали 28—46% территории (М. П. Скрыбин). Эти данные подтверждаются картой восстановленной (до активного антропогенного воздействия) растительности рассматриваемой территории (Ф. Н. Мильков, Ю. А. Нестеров), а также аналогичной картой, составленной по планам Генерального межевания (А. М. Семенова-Тян-Шанская). Для пойм Воронежа и Дона были характерны многочисленные понижения, занятые озерами и болотами, и левады с черноталовниками в комплексе с пойменными лугами, пригод-

ными для земледелия (Б. П. Ахтырцев). Природные условия района были очень благоприятны для хозяйственного освоения древнерусским населением.

Этот процесс достаточно интенсивно проходил в VIII — начале XI в. Фиксируется проникновение сюда в XII в. миграционной волны древнерусского населения из бассейна Верхней и Средней Оки, а также с Днепровского левобережья. Монгольское нашествие не приводит к запустению района. Древнерусские поселения существуют здесь и во второй половине XIII—XIV вв. Однако количество и плотность населения в XII—XIV вв. были относительно невелики, во всяком случае, эти показатели представляются более низкими, чем в предшествующий период. На рассматриваемом участке долин Дона и Воронежа зафиксировано около двадцати древнерусских поселений и местонахождений керамики XII—XIV вв. Следует отметить, что древнерусские памятники не выявлены в бассейне Усмани, слабо были освоены долины Девичи и Ведуги. Рассматриваемые памятники расположены далеко не равномерно. Выделим группу поселений XII — первой половины XIII вв. на Семилукском участке долины Дона (Семилукское городище и селища, входившие в его округу). На р. Воронеж отдельно расположены Животинное городище и Шиловское поселение. Для периода второй половины XIII—XIV вв. отметим группу памятников в низовьях р. Воронеж, где на участке протяженностью до 10 км находилось семь поселений.

Характерен был только долинный (приречный) тип заселения. По особенностям топографического расположения древнерусские поселения можно подразделить на три группы: 1) поселения, находившиеся на местности пойменного типа; 2) на местности надпойменно-террасового типа; 3) на местности приречного (склонового) типа (мысы коренных берегов). Первые две группы включают селища, третья группа — городища (Семилукское, Животинное).

Хозяйство древнерусского населения основывалось на земледелии, скотоводстве, промыслах. Для земледелия использовались участки водоразделов, пойменные луга. Выращивались преимущественно рожь и пшеница. Для скотоводства характерно разведение крупного и мелкого рогатого скота, лошадей, свиней. Добывалось до 12 видов рыб. Причем рыболовство, судя по материалам Семилукского городища, могло иметь специализированный характер. Основными объектами охоты были лисица, косуля, кабан, лось, медведь, куница,

бобр, заяц. В этом списке — животные (лось, косуля, бобр), характерные именно для лесных комплексов.

Наличие водных торговых артерий стимулировало развитие торговых связей. Так, например, на Семилукском городище XII — первой половины XIII вв. найдены вещи западноевропейского, прибалтийского, южнорусского, византийского, южносибирского производства. О торговых связях с Золотой Ордой свидетельствуют три клада золотоордынских монет у с. Семилуки (до 1380 г.), у д. Отрожки (1380—1400 гг.), у с. Девича (первая четверть XV в.), золотоордынские монеты на Шиловском поселении.

Природные условия рассматриваемого района (и прежде всего, повышенная лесистость) сыграли, видимо, свою роль в том, что граница Древнерусского государства во второй половине XII — первой половине XIII вв. проходила именно по этой территории, а в конце XIII—XIV вв. бассейн Верхнего Дона и Воронежа не вышел из сферы интересов древнерусских княжеств.

Б. П. АХТЫРЦЕВ, А. Б. АХТЫРЦЕВ,
А. Д. ПРЯХИН

(Воронежский университет,
Воронежский
сельскохозяйственный институт)

РАЗНОВОЗРАСТНЫЕ ПОГРЕБЕННЫЕ ПОЧВЫ ВОРОНЕЖСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МИКРОРАЙОНА И ИХ ЭВОЛЮЦИЯ

Комплексное почвенно-археологическое исследование памятников Воронежского археологического микрорайона (могильники Подклетненский, «Частые курганы», Лысогорский, курганы Новоусманский, Кондрашкинский, поселения Шиловское, Отрожка 1 и 2, Таврово) выявило значительное разнообразие палеопочв и разнообразие ландшафтов на этой территории в эпоху бронзы, раннего железного века и раннего средневековья (II тыс. до н. э. — I тыс. н. э.). Полученные при этом фактические материалы частично опубликованы (Ахтырцев Б. П. О погребенных лесных почвах // Вопросы ландшафтной географии. — Воронеж. — 1969; Ахтырцев Б. П. О влиянии первобытного человека на почвенный покров в местах стоянок // География и плодородие почв. —

Воронеж. — 1973; Ахтырцев Б. П. Эволюция почв Среднерусской лесостепи в голоцене // История развития почв СССР в голоцене (тезисы докладов). — Пушино. — 1984; Ахтырцев Б. П., Пряхин А. Д. Исследование палеопочв лесостепного Подонья // История развития почв в голоцене (тезисы докладов). — Пушино. — 1984; Ахтырцев Б. П., Ахтырцев А. Б. К характеристике палеопочв среднего голоцена в бассейне Верхнего Дона // Эпоха бронзы Восточноевропейской лесостепи. — Воронеж. — 1984; Ахтырцев А. Б. О скорости формирования и эволюции лугово-черноземных почв Среднерусской лесостепи. Тезисы докладов VII съезда почвоведов. Ташкент. — 1985; Ахтырцев Б. П., Ахтырцев А. Б. Эволюция почв Среднерусской лесостепи в голоцене // Эволюция и возраст почв СССР. — Пушино. — 1986; Ахтырцев Б. П., Ахтырцев А. Б. Лесные палеопочвы Лысогорского могильника конца I тысячелетия н. э. // Археологические памятники эпохи железа восточноевропейской лесостепи. — Воронеж. — 1987; Ахтырцев Б. П., Пряхин А. Д. Палеопочвы под курганами абашевской и срубной культурно-исторической общности эпохи бронзы в Среднерусской лесостепи // Международная конференция: Проблемы голоцена (тезисы докладов). — Тбилиси. — 1988; Ахтырцев Б. П., Пряхин А. Д. Палеопочвы под курганами абашевской и срубной культурно-исторических общностей эпохи бронзы в Среднерусской лесостепи // Биологические науки. — 1988. — № 12; Ахтырцев А. Б., Ахтырцев Б. П., Пряхин А. Д. Антропогенные изменения почв Воронежской области с эпохи бронзы до наших дней // Воронежское краеведение: опыт, перспективы развития (тезисы докладов). — Воронеж. — 1989).

Основными компонентами палеоструктуры почвенного покрова рассматриваемого микрорайона были палеочерноземы, черноземно-луговые и лугово-черноземные палеопочвы, серые лесостепные палеопочвы и черноземовидные песчаные палеопочвы. Их распространение и особенности тесно связаны с условиями рельефа, залеганием грунтовых вод и составом растительности, существовавшими на протяжении голоцена.

На дренированных водоразделах и примыкающих к ним высоких террасах под насыпями курганов эпохи бронзы обнаружены палеочерноземы. Характерные особенности их видны из описания погребенного под Новоусманским курганом палеочернозема легкосуглинистого, подстилаемого метровым слоем среднего суглинка и мощной толщей песка. Первоначальная насыпь этого кургана была возведена над захоронением среднедонской катакомбной культуры XVIII—XVII вв. до н. э. Профиль погребенной почвы под насыпью кургана отчетливо дифференцирован на генетические горизонты по черноземному типу и имеет гумусовый горизонт А (мощностью 30 см), переходный гумусовый горизонт АВ (20 см), горизонты В (30 см) и ВС (120 см). Глубже залегает слой суглинка, который с глубины 3,8 м подстилается мощным слоем песка. Палеопочва характеризуется слабощелочной реакцией, наличием карбонатов и небольшого количества (0,3—0,4%) легкорастворимых солей во всем почвенном профиле, содержит около 4% гумуса гуматного типа и 32—34 мг-экв/100 г поглощенных оснований. По своим признакам, составу и свойствам она относится к палеочернозему среднему мощному карбонатному слабозасоленному глинистому.

Аналогичным составом характеризуется и первоначальная насыпь данного кургана, имевшая высоту 1 м. Однако содержание карбонатов в ней вдвое меньше, что обусловлено частичным их выщелачиванием в период до новой досыпки кургана.

Имеющаяся в кургане последующая досыпка абашевского времени (середина II тыс. до н. э.) отличается несколько большей гумусированностью и меньшей карбонатностью почвенной массы (0,15—0,30%). Что же касается осуществленной значительно позже досыпки позднескифского времени (конец I тыс. до н. э.), то она лишена карбонатов и легкорастворимых солей, более гумусирована (до 5% гумуса), имеет нейтральную реакцию среды.

Фоновые почвы вокруг Новоусманского кургана относятся к черноземам типичным мощным (А+АВ=80—85 см) среднегумусным (8% гумуса), содержат карбонаты лишь с глубины 90 см.

Исходя из приведенных данных следует констатировать, что эволюция палеочерноземов в рассматриваемом микрорайоне развивалась по элювиальному типу в отношении карбонатов и легкорастворимых солей и сопровождалась увеличением мощности гумусового горизонта и содержания гумуса в верхней части его. Карбонатные слабозасоленные средние мощные палеочерноземы эволюционировали в черноземы типичные мощные среднегумусные.

На водоразделах типа плоскоместий под курганами эпохи бронзы погребены лугово-черноземные карбонатные палеопочвы разной степени засоления и солонцеватости. Ти-

пичной в этом отношении является палеопочва под насыпью Кондрашкинского кургана (Каширский район Воронежской обл.), возведенного над захоронением позднего этапа среднедонской катакомбной культуры (вторая четверть II тыс. до н. э.). Она характеризуется морфологическими признаками, присущими лугово-черноземным почвам, имеет мощность $A+AB=60$ см, содержит много карбонатов кальция (от 7—9% в горизонте А, до 12—16 в горизонте АВ и 17—15% в средней и нижней части почвенного профиля), значительное количество легкорастворимых солей (0,36—0,52 в гумусовом профиле и 0,26—0,16% в более глубоких слоях). Содержание гумуса постепенно уменьшается с 4,2 в верхней части горизонта А до 2,1% у нижней границы горизонта АВ. Состав его гуматный с отношением углерода гуминовых кислот к углероду фульвокислот 2,0—1,8. Емкость катионного обмена составляет 35—37 мг-экв/100 г, в которой на долю кальция приходится 71—74, магния — 22—25 и натрия — 3—4%. По приведенным показателям эту почву следует относить к лугово-черноземной карбонатной среднезасоленной солончаковой среднемогучей глинистой палеопочве.

В целом лугово-черноземные палеопочвы эпохи бронзы отличаются от современных почв меньшим гумусированностью и мощностью (на 30 см) гумусового профиля, большей его карбонатностью и заметным засолением.

Погребенные почвы под насыпями известного могильника «Частые курганы», находившегося на четвертой надпойменной террасе р. Дона близ г. Воронежа, датируемого V—IV вв. до н. э., представлены лугово-черноземными суглинистыми палеопочвами, гумусовый профиль которых лишен карбонатов и легкорастворимых солей, а по мощности его близок современным почвам. Последние отличаются отсутствием карбонатов и сильной выщелоченностью. Это указывает, что эволюция лугово-черноземных палеопочв в рассматриваемый период шла по схеме лугово-черноземные карбонатные засоленные, лугово-черноземные обычные, лугово-черноземные выщелоченные почвы и сопровождалось увеличением мощности и гумусированности горизонтов $A+AB$.

Под насыпями Лысогорского курганного могильника (IX—начало XI вв. н. э.), находящегося на правом берегу р. Воронеж, обнаружены серые и светло-серые лесостепные палеопочвы, близкие по своему строению к фоновым почвам Воронежской дубравы. От современных эти палеопочвы отличаются лишь большей насыщенностью обменными основаниями,

меньшей кислотностью и наличием малого количества карбонатов кальция в нижней части горизонта В.

Значительным своеобразием характеризовался палеопочвенный покров первой и второй надпойменных террас рек, сложенных песчаными аллювиальными отложениями. Погребенные почвы расположенного на первой надпойменной террасе Дона Подклетненского курганного могильника абашевской культуры (середина II тыс. до н. э.) относятся к песчаным черноземовидным палеопочвам с мощностью горизонтов $A+AB=41$ см (у современных почв 72 см), низким содержанием гумуса (0,66%) и обменных оснований (3—4 мг-экв/100 г), слабокислой реакцией.

В районе поселений Шиловское (середина II тыс. до н. э.), Острожка 1 (в основном третья четверть II тыс. до н. э.) и 2 (конец третьей — начало последней четверти II тыс. до н. э.) и Таврово (последняя четверть II тыс. до н. э.), находившихся на первой и второй надпойменных террасах р. Воронеж распространены черноземно-луговые супесчано-песчаные палеопочвы, которые имели мощность гумусового профиля 40—50 см. В связи с легким гранулометрическим составом эти палеопочвы бедны гумусом (0,7—1,2%) и обменными основаниями (4—6 мг-экв/100 г). В зоне же котлованов, жилых и хозяйственных помещений палеопочвы имеют повышенную мощность (до 80—115 см), богаче гумусом (2—3%) и обменными основаниями (7—13 мг-экв/100 г).

Осуществленные исследования подтверждают суждение, согласно которому в эпохи бронзы и раннего железного века влияние хозяйственной деятельности человека на окружающую среду пространственно было ограничено поймами и речными террасами и мало проникало на водоразделы. Оно заключалось преимущественно в нарушении растительного покрова и поверхности почв из-за выпаса скота и пашенного земледелия. Хотя нагрузки на долинны ландшафты, связанные с хозяйственной деятельностью человека и возросли в третьей четверти II тыс. до н. э., следовавшие за ними нарушения растительного и почвенного покрова имели в основном обратимый характер. Ощутимые же антропогенные изменения окружающей среды на территории Воронежского археологического микрорайона начали развиваться значительно позже обозначенного хронологическими рамками доклада времени.

СЕКЦИЯ:
ТОРГОВЫЙ ПУТЬ КИЕВ — БУЛГАР
И АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ МИКРОРАЙОНОВ

В. П. КОВАЛЕНКО, Ю. Н. СЫТЫЙ
(Черниговский пединститут)

ЧЕРНИГОВСКОЕ ОТВЕТВЛЕНИЕ ПУТИ
КИЕВ — БУЛГАР

Значение трансконтинентальных магистралей в развитии международной торговли в эпоху средневековья общеизвестно. Одна из них соединяла столицы двух крупных восточноевропейских государств — Киевской Руси и Волжской Булгарии. Являясь частью трансевропейского торгового пути Центральная Европа — Галич — Киев — Булгар (Б. А. Рыбаков), она, в свою очередь, имела ряд ответвлений, соединявших ее с крупнейшими центрами Южной Руси (Переяславль, Курск и др.).

Чернигов, издавна поддерживавший тесные торгово-экономические и политические связи с Востоком, имел самостоятельный водный путь в Волжскую Булгарию: Десна — Угра — Ока — Волга (Л. В. Алексеев) или Десна — Сейм — Ока — Волга (Б. А. Рыбаков). Однако функционирование в непосредственной близости от южных рубежей Черниговского княжества постоянного международного сухопутного пути из Киева в Булгар, несомненно, должно было привести к появлению его ответвления на Чернигов. Оно должно было соединить кратчайшим удобным маршрутом Чернигов с одним из перевалочных пунктов (своеобразным караван-сараям) на пути, максимально близко расположенным к южным границам княжества.

Таким узловым пунктом был, вероятно, город Липовый (с. Липовое Талалаевского р-на Черниговской обл.), через который, по-видимому, и проходила дорога (А. П. Моця). Комплекс археологических памятников у с. Липовое состоит из небольшого городища (около 1 га), крупного (около 20 га) открытого поселения, и огромного (свыше 5000 насыпей, из которых сохранилось более 1200) курганного могильника. Археологические исследования на могильнике показали, что количество погребений, совершенных в летний период, вдвое пре-

вышает количество зимних, что свидетельствует о значительной «пульсации» количества жителей этого населенного пункта в зависимости от торгового сезона, а разнообразие погребальных обрядов — о полиэтничности населения (А. П. Моця). Кроме того, Липовый контролировал с переяславльской стороны сухопутную дорогу из степи через Посулье в Чернигов и водный путь Сула — Ромен — Остер. Таким образом, это был действительно крупный узловой пункт, расположенный на пересечении нескольких дорог. На противоположном левом берегу р. Ромен располагался летописный Глебль (городище у с. Красный Колядин), фланкировавший другой вариант пути из Посулья.

Из Липового дорога на Чернигов могла идти только одним путем: на Белавежу — Всеволож — Чернигов, что подтверждают летописная статья 1147 г. и анализ дорог периода позднего средневековья. Картографирование археологических памятников с учетом данных палеопочвоведения позволяет существенно конкретизировать его маршрут по территории Задесенья.

Из Липового путь шел по правобережной террасе р. Ромен до городища XI—XIII вв. у с. Грицевка. Затем по правому берегу ручья (правый приток Ромена) поворачивал на северо-запад, к летописной Белавеже (городище у ст. Городок), которая блокировала единственный проход между сильно заболоченными бассейнами рек Остра, Ромена и Уда, истоки которых брали начало из болота Вировка. Отсюда бело-вежской степью дорога шла по краю правобережной террасы р. Остер до с. Фастовцы, затем по водоразделу до истоков р. Рудки (левый приток р. Загоровка) и далее к летописному Всеволожу. Расположенное в узком проходе между Остерскими и Придеснянскими болотами, городище контролировало юго-восточные подходы к Чернигову. Сюда сходились пути из Бохмача, Глебля, Белавежи и Унинежа. Из Всеволожа дорога вела по водоразделу на с. Прохоры, потом вдоль края болота до городища Смоляж (переправа через р. Смолянку), снова по водоразделу до с. В. Кошелевка (поселение X—XIII вв.) и далее мимо болота Смолянка до р. Вересочь (группа поселений XI—XIII вв.), а затем — на край левобережной террасы Десны у с. Салтыкова Девица (поселение Япчино X—XIII вв.). Вдоль края террасы путь шел на городище XI—XIII вв. у с. Ковчин, а от него — к Свиному перевозу через Десну, располагавшемуся против устья р. Свины (Замглай), у летописного села Свенковичи. Этот отрезок

маршрута подробно фиксируется цепью древнерусских поселений Ковчин — Голопятовка — Глузды I — Бруховица — Рог — Выбли I — Пески. От Свенковичей дорога шла к Чернигову уже вдоль края правобережной террасы Десны (поселения Новоселовка — Яцева Гора — Кукашаны — Гуричев — Спашь — Чернигов).

Конный отряд мог преодолеть этот путь (свыше 200 км) за 3 дня, с остановками во Всеволоже и Ковчине; купеческий же караван должен был потратить, по-видимому, 5—6 дней (остановки в Белавеже, Всеволоже, Смоляже, Ковчине).

А. З. ВИННИКОВ
(Воронежский университет).

ТОРГОВЛЯ ДОНСКИХ СЛАВЯН (К ВОПРОСУ О ТОРГОВЫХ ПУТЯХ РУСИ С ВОСТОКОМ)

Наличие торговли у донских славян с Востоком в настоящее время не вызывает сомнений. Но при рассмотрении данного вопроса необходимо иметь в виду географическое положение донской славянской группировки. Это были окраинные восточные районы славянского мира. Донские славяне не только сами осуществляли торговлю с Востоком, но и являлись своеобразной перевалочной базой, через которую осуществлялась торговля Востока с другими районами восточнославянского мира.

Донские славяне завозили с Востока довольно широкий ассортимент товаров. А. Н. Москаленко приводит сводку арабских монет, найденных в бассейне лесостепного Дона и подчеркивает при этом, что дирхемы найдены почти на всех поселениях, где велись раскопки. К этому следует добавить, что раскопки последних лет на славянских памятниках Верхнего Дона, включая бассейн Воронежа, не дали находок арабских монет. Нетрудно заметить, что практически все монетные находки сосредоточены на Среднем Дону. И это, вероятно, не случайно.

Предметом дискуссии был и остается вопрос о путях, по которым осуществлялась торговля восточных славян с Востоком: Волга — Дон — Северский Донец (через Хазарию) или Волга — Ока (через Булгар). На наш взгляд, нельзя в данном вопросе категорично становиться на ту или иную позицию. Отрицать «южный путь» торговли с Востоком не поз-

воляют материалы, свидетельствующие о прочных экономических связях с алапо-болгарским миром, входившим в Хазарский каганат.

Говоря о торговых связях донских славян, необходимо отметить, что Средний Дон стоял на пути караванной сухопутной торговли с Востоком. Впервые довольно основательно этот вопрос рассмотрен Б. А. Рыбаковым, анализировавшим путь Киев — Булгар на материалах карты Идриси. Затем к этому вопросу он возвращался неоднократно. Рассматривая территорию Дона как середину сухопутной дороги Булгар — Киев, Б. А. Рыбаков вводит в научный оборот понятие «воронежский узел» и пытается точно локализовать эту середину пути, связав ее с городом Вантитом — первым славянским городом в земле вятичей. И здесь у Б. А. Рыбакова можно проследить определенные противоречия. С одной стороны, он указывает на городище «Михайловский кордон» как на город Вантит, а с другой, он пишет о середине пути, находившейся «где-то у Дона ниже Воронежа».

Городище Михайловский кордон действительно одно из самых крупных славянских поселений в бассейне Дона. Его площадь около 9 га, на его территории около 600 западин — остатки жилищ-полуземлянок. Раскопки выявили мощные и далеко не ординарные оборонительные сооружения, дали возможность говорить о наличии здесь, как и на других славянских поселениях на р. Воронеж, алапо-болгарского населения. Но вместе с тем, совершенно очевидно, что городище Михайловский кордон стоит не в земле вятичей. Об этом свидетельствуют материалы раскопок могильников на р. Воронеж. Земля вятичей, где стоял Вантит и где, по мнению Б. А. Рыбакова, фиксируется середина торгового пути Булгар — Киев, начинается несколько южнее на Среднем Дону, где расположено хорошо укрепленное Титчихинское городище. Многочисленные находки монет (а на недалеко расположенном Малом Боршевском городище найден клад арабских монет-подражаний, чеканенных в Булгаре), бусы, импортная тарная керамика, кости верблюда, наличие специальных помещений для купцов, исключительно удобное географическое положение (действительно «первый город» в славянской земле) — все это дало возможность А. Н. Москаленко высказать мнение о возможности отождествления поселения на месте городища Титчиха с «Вантитом».

Вероятно, район Среднего Дона (южнее р. Воронеж) и мог быть той серединой пути, о которой писали восточные авторы, и там нужно искать город «Вантит».

А. Х. ХАЛИКОВ

(Институт языка, литературы и истории
Казанского филиала АН СССР)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МИКРОРАЙОНЫ В СИСТЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ БУЛГАРСКОЙ СТОРОНЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО ПУТИ БУЛГАР — КИЕВ

Булгарская сторона средневекового торгово-политического пути Булгар — Киев относительно недавно археологически была представлена одним из возможных остановочных пунктов — Юловским городищем (Г. Н. Белорыбкин). Однако, весь отрезок этого пути и его маршрут с остановочными пунктами археологически оставался не изученным.

В результате осуществленных совместной экспедицией Института языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР и Института археологии АН УССР работ (см. тезисы доклада А. П. Моци и А. Х. Халикова) были получены данные для изучения болгарского участка пути. Речь идет о половине пути Булгар — Киев, середина которого приходилась на Цнинско-Донское междуречье, где располагалась область Урта-юл («середина пути» по-тюркски), ныне Эртиль.

Маршрут экспедиции 1989 г. был начат от одного из караван-сараяв Билярского городища — археологических остатков столицы Булгарии X—XIII вв., Великого города или Булгара. До середины пути дневки-манзиль зафиксированы примерно в 10 пунктах: три из них (Кокрять, переправа через Волгу в районе Андреевки — Криуши, Карсун) приходятся на территорию собственно Булгарии, два (Юлово, Б. Елань) — на земли обугаризированных буртас и пять (Карай, Перевоз, Щучье и др.) — на межгосударственное пограничье.

Выявленные на болгарской и подчиненной ей территории остановочные пункты-манзиль (Кокрять — «коренной пункт» по-тюркски; Криуши — «переправа» по-тюркски; Карсун — «укрепленное место» по-тюркски; Юлово — «дорожный» по-тюркски), как правило, сопряжены с наличием хорошо укрепленных мест для расположения людей и животных. Здесь же имеются следы и торгово-ремесленной деятельности, т. е. это своего рода укрепленные торгово-ремесленные посадки.

Расположенные на межгосударственной территории возможные пункты дневок (они еще в полной мере не выявлены) находятся, напротив, вне связи с укрепленными поселениями, но в естественно укрепленных местах и с обязатель-

ным наличием богатых травами пойм-пастбищ и удобных для размещения караванов закрытых площадок (Карай, Перевоз и др.). В таких местах почти обязательно наличие следов остановок в виде углисто-кострищных отметин, находок как болгарской, так и славяно-русской керамики, а иногда и богатых кладов.

Сам путь от манзиль до манзиль проходил главным образом по междуречью, относительно слабо заселенному, а, главное, слабо расчлененному. Иногда он отмечался естественными или искусственными возвышениями, как, например, путь от волжской переправы на Карсун. Пункты кратковременных ночевок по этому пути еще также в полной мере не выявлены, но ряд из них все же определен (Тюгульбаево, Юрманы, Карамзинка, Березовка, Сызган, Садовка, Золотаревка и др.). Показательно, что и для них характерна установленная для манзиль-дневок закономерность: на государственной территории Булгарии и обугаризированной Буртасии такие пункты обычно приурочены к укреплениям, ныне сохранившимся в виде городищ (Тюгульбаево, Юрманы, Садовка, Золотаревка); на внегосударственной территории — это обычно природно защищенные места, но с удобными для водопоя и пастбищ зонами и с остатками следов от пребывания здесь караванов — следы кострищ, местонахождения болгарской и славяно-русской керамики (Б. Александровка, Яковлево и др.).

Выявленные некоторые закономерности в расположении болгарской части торгового пути между Булгаром и Киевом и размещении остановочных пунктов должны быть уточнены и расширены, для чего намечается в ближайшем будущем, в том числе и в 1990 г., продолжение совместных исследований с более углубленным изучением намеченных остановочных пунктов по всему пути. Но уже сейчас можно считать, что такие остановочные пункты как нельзя лучше могут быть названы археологическими микрорайонами.

Г. Н. БЕЛОРЫБКИН

(Пензенский пединститут)

СУРСКОЙ УЧАСТОК ПУТИ ИЗ БУЛГАРА В КИЕВ

Средневековый торговый путь из Булгара в Киев проходил и через Верхнее Посурье. Крупным препятствием на этом

пути была р. Сура. Единственный удобный брод через нее располагался в месте слияния с р. Уза. На рубеже X—XI вв. в районе переправы возникают поселения, для которых была характерна коричнево-красная гончарная посуда. Значительное количество привозных вещей найдено на Золотаревском городище, расположенном у переправы, и Юловском городище, самом крупном поселении (его площадь 22 га) среди памятников с упомянутой керамикой.

Вероятным местом одной из остановок торгового каравана является именно Юловское городище, расположенное в г. Городище Пензенской области. К городищу примыкал укрепленный посад, на котором могли укрываться купцы. От Юловского городища до Золотаревского и переправы через р. Сура — день пути. Следующая к западу остановка располагалась в верховьях р. Хопер у д. Большая Елань, где имеется сооружение из валов и рвов. К востоку от Юловского городища ближайшая остановка располагалась в верховьях рек Инза и Кеньша.

Возникновение поселений с коричнево-красной гончарной посудой стимулировалось функционированием торгового пути. На одной из остановок в XI в. возникло поселение, превратившееся впоследствии в город (Юловское городище), а на месте ночевки у переправы через Суру — укрепленная крепость (Золотаревское городище). Вдоль дороги, связывавшей эти пункты, бурно развивались многочисленные поселения и крепости.

Памятники с коричнево-красной гончарной посудой оставлены буртасами, которые до X в. располагались южнее пути (среднее течение р. Уза). В X в. они заняли Верхнее Посурье и стали контролировать торговый путь, но сами были покорены Волжской Булгарией. В XI в. бурно расцветают поселения булгарского типа в Верхнем Посурье и одновременно исчезает имя буртас, появившееся вновь лишь после разгрома Волжской Булгарии.

И. В. ЯКИМОВ

(Институт языка, литературы и истории
Казанского филиала АН СССР)

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ ПЕРЕПРАВЫ ЧЕРЕЗ ВОЛГУ НА ТОРГОВОМ ПУТИ БУЛГАР — КИЕВ

В плане изучения торгового пути Булгар — Киев не решен полностью вопрос о месте переправы торговых караванов

через Волгу. Б. А. Рыбаковым была предложена версия, согласно которой переправа проходила в районе Балымерского — Тетюшского городищ на территории Татарской АССР. Экспедицией Института языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР и Института археологии АН УССР были проверены еще два возможных варианта местонахождения переправы: в районе Крестовое городище — Криуши в Ульяновской области и непосредственно под г. Ульяновском. Важно отметить, что в районе предполагаемых мест переправы имеются находки древнерусских вещей.

Физико-географические условия районов Заволжья и Предволжья, примыкающих к возможным местам переправ достаточно благоприятные. Климат характеризуется выраженной континентальностью. В почвенном покрове преобладают черноземы. Эти районы представляют собой классическую лесостепь. В юго-западной части Предволжья отмечается слабая залесенность, но ближе к границам Пензенской области площадь лесных массивов возрастает.

Дальнейшее археологическое изучение торгового пути между Булгаром и Киевом позволит более аргументированно обосновать варианты переправы через Волгу.

М. М. ИЕВЛЕВ

(Институт археологии АН УССР)

ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В X—XIII ВВ. И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РАЗМЕЩЕНИЕ МАРШРУТА ТОРГОВОГО ПУТИ ИЗ КИЕВА В БУЛГАР

Потепление климата, начавшееся в VIII в., привело к некоторому уменьшению увлажненности на территории всей Европы. Этот процесс особенно сказался к X в. на территории степных районов Восточной Европы и выразился в распространении степной зоны в более северные районы. Существование теплого периода на территории Европы подтверждается данными изменения уровней Черного и Каспийского морей, а также многочисленными свидетельствами письменных источников и археологическими находками. Одним из наиболее убедительных фактов, подтверждающих эти данные, является существование в этот период в Гренландии норманских по-

селений, население которых занималось, наряду с рыболовством и охотой, скотоводством.

Эти климатические изменения практически не оказали заметного влияния на ландшафты лесных и лесостепных районов Восточной Европы. Потепление климата в этих районах даже способствовало сельскохозяйственной деятельности их населения, что соответствует данным об экономическом подъеме, переживаемым в это время Киевской Русью и Волжской Булгарией.

В степных районах увеличение температуры привело к большой засушливости климата, а следовательно к изменению общей ландшафтной обстановки, особенно в юго-восточных районах. Смена растительного покрова привела к изменению кормовой базы скота, являющегося одним из главных источников существования кочевого населения этих районов, что, видимо, обусловило усиление оттока населения в более благоприятные районы лесостепной зоны, подтверждением чего служит увеличение числа набегов кочевников на южные районы Киевской Руси и сооружение на ее границах оборонительной линии в XI—XII вв.

Являясь двумя наиболее крупными и экономически развитыми государствами Восточной Европы, Киевская Русь и Волжская Булгария занимали ведущее положение в торговле всего этого региона. Ведя значительную торговлю между собой, они установили контроль над транзитной торговлей между Северо-Западной Европой и странами Востока. Рассматривая участок сухопутного пути между столицами этих государств Киевом и Булгаром, можно отметить, что он проходил по водораздельным пространствам лесостепной зоны Восточной Европы. Основными причинами выбора пути через лесостепную зону были следующие:

1. В этой зоне проходили границы территорий, находившихся под контролем Киевской Руси и Волжской Булгарии, что обеспечивало безопасность продвижения караванов по ним.

2. Прохождение караванов севернее было невозможно из-за больших лесных массивов, а сооружение постоянной дороги в лесной зоне видимо было экономически невозможно, особенно на территориях, не входивших в состав Киевской Руси и Волжской Булгарии.

3. Наличие постоянных источников пресной воды на всем протяжении пути, которая могла отсутствовать в более засушливых степных районах, особенно в летний период.

4. Прохождение по водораздельным пространствам было удобно из-за их слабой залесенности и возможности избежать необходимости переправ через реки, во время которых караваны были наиболее уязвимы для нападения, что было особенно важно на неконтролируемых территориях. При этом обхсдильсь большие массивы пойменных и байрачных лесов, также служивших препятствием для продвижения караванов.

5. Существование пойменных и байрачных лесов служило в некоторой степени препятствием для передвижения кочевников и, кроме того, они могли служить в качестве временного убежища для караванов.

Все эти вышеперечисленные причины обусловили довольно узкую полосу маршрута для торгового пути из Киева в Булгар и обратно. На территориях Киевской Руси и Волжской Булгарии этот торговый путь в настоящий момент достаточно хорошо фиксируется по находкам на городищах и поселениях большого количества предметов импортного происхождения.

Наибольший интерес вызывает маршрут по территории, не входившей в состав этих государств. К сожалению, наличие археологических и письменных источников делает реконструкцию маршрута по этой территории спорной и требует дополнительных исследований. Наиболее четко фиксируются на этом пространстве лишь места переправ через реки, которые легко определяются по топографии местности и часто подтверждаются существованием на этих местах древних поселений времени существования пути и археологическими находками на их территории. Одним из примеров таких мест может служить древняя переправа через р. Ворона возле с. Перевоз, у которой на правом берегу реки находилось поселение XI—XIII вв. Это единственно удобное место для переправы в этом районе. Здесь расположена наиболее узкая часть поймы, шириной до 6 км. Она сильно заболочена, имеет множество озер и стариц и до сих пор покрыта густыми лесами. Такое же место переправы караванов через р. Воронеж, возможно, располагалось в районе Животинного городища в Рамонском районе Воронежской области.

Установление точного маршрута по водораздельным пространствам более затруднено из-за слабой заселенности этих районов в эпоху средневековья. Кроме того, направление движения караванов в этих районах могло изменяться, чтобы избежать столкновения с кочевниками.

КОМПЛЕКСЫ ВООРУЖЕНИЯ В РЕГИОНАХ НА ПУТИ ИЗ БУЛГАРА В КИЕВ В X—XI ВВ. (НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ)

Период X—XI вв. являлся этапным для многих народов Восточной Европы, которые переживали эпоху перехода от племенного к раннефеодальному обществу. Экономические сдвиги, рост социальной напряженности и расширение торговых связей способствовали увеличению военной опасности и вооруженности населения. Все это потребовало коренных перемен в военной организации народов, живших, в частности, на торговом пути, связавшем Среднее Поволжье и Приднепровье, что особенно отчетливо вырисовывается при изучении их боевых средств, которые сохраняя специфические местные черты в каждом микрорегионе, обогащаются заимствованиями и новинками вооружения. Внедрение в боевую практику новых элементов определяет становление и уровень развития всего военного дела народов в условиях функционирования пути из Булгара в Киев.

Оружие ближнего боя всех этих народов имеет наиболее определенное сходство, что связано с явным кочевническим влиянием. Копья и топоры, сабли у них типологически близки, а некоторые различия связаны с тем, что у финов Поволжья практически отсутствуют мечи, булавы и кистени. Кроме того, на Руси и в Булгарии, а также у буртас большее распространение получили узколезвийные копья, тогда как у финов — широколезвийные.

Метательное снаряжение у всех народов также довольно сходно, хотя у финских племен более беден набор бронебойных наконечников и, видимо, были единичны сложные луки с костяными накладками.

Защитное снаряжение известно на Руси и в Булгарии, где оно включало кольчуги, металлические доспехи, шлемы и щиты, а у древнемордовских племен и буртасов известны практически только кольчуги.

Конское снаряжение, хотя и имело определенные типологические отклонения у всех народов, было довольно сходным. Особо следует только подчеркнуть использование рус-

скими и болгарскими всадниками шпор, отсутствовавших у финских народов.

Сравнение арсеналов боевых средств в различных регионах позволяет констатировать коренное сходство между Южной Русью и Булгарией, которое выражалось в наличии оружия и снаряжения тяжеловооруженного воина-профессионала (меч или сабля, пика, булава, сложный лук, металлический доспех, удила, стремяна, шпоры). Разумеется, в обоих этих регионах имелось некоторое своеобразие, что выражалось в большем значении сабли для болгар, немногочисленности шпор и т. д. Вместе с тем, этот набор отличается от арсенала древнемордовских племен, у которых несмотря на наличие сабель, пик, боевых топоров отсутствуют другие элементы вооружения профессионального воина. Причем, если на Руси, в Булгарии именно развитие этого комплекса играло ведущую роль, то для финских племен его значение к XII в. уменьшается (исчезают сабли, мечи, доспехи и т. д.).

В X—XI вв. идет процесс расслоения войска и выделения ополчения и профессиональной части войска, знати, что установлено для регионов Булгарии и Южной Руси. Для остальных районов такое развитие войска фиксируется не столь достоверно.

Таким образом, народы, контактировавшие между собой на пути из Булгара в Киев к X в. подошли с примерно равным военно-техническим потенциалом. Во всех регионах распространяются развитые типы дружинного вооружения (сабли, пики, кольчуги). Однако постепенно намечаются коренные отличия, которые наиболее отчетливо станут заметны позднее. В первую очередь они связаны с развитием в Булгарии и на Руси комплекса тяжеловооруженного средневекового воина-рыцаря. Все эти изменения показывают, что наиболее быстро военная организация изменялась в регионах, где происходило становление феодального государства. Там же, где такое развитие было замедлено, наступал определенный упадок дружинной военной культуры.

ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ К ВОПРОСУ О ПУТИ ИЗ БУЛГАРА В КИЕВ

При изучении этнической истории древнего населения территории СССР, особое значение имеет рассмотрение данных палеоантропологии. Это относится и к исследованиям торговых и культурных связей Волжской Булгарии и Киевской Руси. В местах предполагаемого прохождения древнего пути из Булгара в Киев в последние десятилетия проводились раскопки могильников X—XIII веков: Липовое, Гочево, Белогорский монастырь и могильники самого Булгара — Четырехугольник и Бабий Бугор, а также ряд некрополей Киева.

В разное время краниологические серии из указанных могильников исследовались многими антропологами. Однако рассмотрение материалов на предмет выявления возможных генетических связей между собой групп населения, оставивших эти некрополи до сих пор не проводились. В то время как внутригрупповой анализ большинства репрезентативных серий указывает на их определенную типологическую неоднородность (Алексеева, 1973; Яблонский, 1987 и др.). В большей мере она проявилась среди групп черепов из Киева и Булгара, в меньшей — из Липового.

Палеоантропологические материалы Булгара (древнерусское время) происходят из двух могильников: Бабий Бугор и Четырехугольник. Как уже отмечалось в литературе, типологически они различны (Трофимова, 1956). Если серия из Четырехугольника, характеризуясь брахикранией, крупными размерами и незначительной уплощенностью лицевого отдела, представляет основной тип жителей Поволжья и Подонья в домонгольское время (Постникова, 1970), то краниологическая серия из могильника Бабий Бугор, долихокранная с малыми размерами лицевого отдела и резкой его горизонтальной профилировкой, явно неболгарской принадлежности (С. Г. Ефимова, 1983; Яблонский, 1987). Это вполне согласуется с данными археологии (Е. А. Халикова, 1978). Однако сделанные С. Г. Ефимовой выводы о сходстве указанной серии с группами черепов Северного Кавказа, по нашему мнению, не дают достаточных оснований для предположения о происхождении группы населения, оставившей этот могильник, откуда.

Большинство серий из некрополей древнего Киева характеризуются по средним величинам полностью сходным комплексом признаков с группой черепов из Бабьего Бугра и определенно отличаются от всех остальных серий, как домонгольского, так и золотоордынского времени из некрополей древнего Булгара. Это дает основание предполагать существование в этом городе в XI—XIII вв. компактной группы населения, обладавшей типично славянским морфологическим обликом. Среди же некоторых групп черепов из Киевского Подола (могильник по ул. Героев Триполья) отмечены отдельные индивиды, обладающие комплексом признаков, сходных с таковыми для серий как самого Булгара (могильник Четырехугольник), так и для групп из периферийных некрополей (Кайбельский могильник).

Краниологические серии из Белогорского монастыря и Гочево малочисленны. Однако черепа из них, характеризуясь мезо-долихокранией и, для группы из Белогорского монастыря, сильно профилированным в горизонтальной плоскости лицом (Дебец, 1948), обладают небольшой вариабельностью признаков и представляют основной, присущий для местного населения антропологический тип.

Сходный комплекс признаков отмечен и для крупной серии из могильника Липовое (Покас, 1987). Здесь, как и в небольшой группе из Гочево отмечены отдельные черепа с небольшим уплощением горизонтального профиля лицевого отдела. Однако сочетание признаков, его характеризующих, с мезокранией и узким лицом не дает оснований предполагать определенную генетическую связь населения, оставившего этот могильник, с носителями древнего болгарского брахикранного типа.

Таким образом, можно допустить, что, если выходцы из Волжской Булгарии и проходили через древнерусские населенные пункты у сел Гочево, Белогорский монастырь и Липовое, вряд ли имели постоянные генетические контакты с местным населением. В Киеве же, судя по данным антропологии, такие связи были вполне вероятны.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ СВЯЗИ ЮЖНОЙ РУСИ С ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИЕЙ В X—XI ВВ.

В географических трудах восточных авторов (Ибн Хаука, ал-Истархи, ал-Идриси) содержатся уникальные сведения о торговле купцами Кукийаны или Куйабы (обычного обозначения Киева) в Арсе оловом. Из текстов следует, что Арса размещалась неподалеку от земли Булгар, но локализация рудников на горе «Батира» в земле «ал-Хазар», где добывались серебро и «хорошее олово», наводит на мысль об Уральских горах. Заинтересованность купцов-русов в сырье и лигатуре для бронзовых сплавов была во многом обусловлена отсутствием месторождений цветных металлов в собственных землях. Но связи в области искусства объясняются исключительной притягательностью изделий восточных мастеров. Влиянием исламской торевтики исследователи объясняют многие черты локальных художественных школ, в том числе Великой Моравии IX в. и Венгрии X в.

Общеизвестен факт распространения украшений восточных типов, особенно наременных, в среде кочевых племен «степного коридора». Вырисовываются характерные для IX—X вв. «цепочки» однотипных памятков, например: Увак Оренбургской обл., Бекешево БАССР, Большеитганский могильник, Ново-Бараниковка Луганской обл., Колпаковка и Большемихайловка Днепропетровской обл., Антоновка Николаевской обл. Другой путь передачи ремесленной традиции по пути из Булгара в Киев изучен недостаточно. Б. А. Рыбаков (1969) обратил внимание на подвески прикамских типов из Миропольских курганов X в., на гиревидную подвеску с золотой инкрустацией, на болгарское подражание диргему, на ложноплетеный браслет «волго-камского» типа из Гочевского могильника. Отметим здесь же находку птицевидной нашивки типа Д II (по типологии Г. А. Федорова — Давыдова) из серии «чудских древностей».

В последнее время найдены и более редкие для Среднего Поднепровья изделия мастеров Волжской Булгарии. В 1985 г. при исследовании поселения Лесковое между Черниговым и Любечем (А. В. Шекун) обнаружена пуговица типа «гомбика». Внешне она воспроизводит форму кувшина, украшенного медальонами с фризом из «жемчужин», каплевид-

ными выступами, напоминающего кувшины восточноиранской (хорасанской) традиции. Аналогичная пуговица из слоя Измерского селища (Е. П. Казаков) была передана автору в 1989 г., что позволило путем спектрального анализа сопоставить химический состав двух изделий. Сплав, использованный для изготовления этих памятников, совпал по рецептуре $Cu+Pb+Sn+Zn$ и $Cu+Zn+Pb+Sn$ и по содержанию микропримесей: Ag до 0,03%, Bi — 0,001—0,02%, Ni — 0,1 и 0,12%, Au — 0,006 и 0,015%.

Аналогичная рецептура многокомпонентного сплава на основе меди с близкими концентрациями микропримесей использовалась ювелирами для изготовления коньковых подвесок. В. К. Михеев (1982), проводивший анализ одного из типов таких подвесок из Сухогомольшанского могильника, считает местом их изготовления бассейн Нижней Камы, р. Белой, верхнего течения р. Урал.

Возможно, что не по «степному мосту», а по Днепру четыре пуговицы поволжских типов попали в захоронение в кургане у с. Чернянка Каховского р-на, совершенного по печенежскому обряду (А. И. Кубышев, В. В. Дорофеев и др., 1985). В. Х. Валеев (1975) приводит несколько типов подобных пуговиц из Среднего Поволжья, но относит их к золотоордынскому времени (XIV—XV вв.). Южнорусские находки из датированных комплексов уточняют время их бытования — X—XI вв.

Своеобразные по форме медные и серебряные оковки украшали деревянные сосуды из болгарских могильников салтовского периода: Больше-Тарханского (В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков, 1964), Танкеевского (Е. П. Казаков, 1971). Похожие на них, прямоугольные с вырезом, серебряные накладки украшали луку седла из погребения 3 1 Бекешевского могильника 2 (Н. А. Мажитов, 1981). Подобные накладки на деревянные изделия обнаружены в кургане 16 могильника Березки в Чернигове (Д. И. Блитель, 1965). Но наиболее ярким свидетельством художественных связей Среднего Поволжья с Русью служат многочисленные поясные и сбруйные украшения из дружинных могильников X в. В Киеве, Чернигове, Гнездове. В быту у военной верхушки были распространены сумки с литыми квадратными застежками с рельефными изображениями цветков, кринов, сердцевидных мотивов. Между поднепровскими находками и аналогичными украшениями из Приладожья существуют определенные технико-стилистические различия, включая металлургические. Большинство украшений,

по-видимому, изготовлено в мастерских городов «Русской земли».

Восточные образцы для подобных изделий наиболее полно отражены в материалах Биляра, где известны и матрицы для тиснения тонких накладок (А. Х. Халиков, 1976). Ярким примером распространения художественных традиций из Волжской Булгарии по сухопутному пути, является литейная форма из Киева (1975), изготовленная из местного материала — пиррофиллита, но с куфической надписью. Тип бляшек с мотивом пальметки, отливаемых в киевской форме, известен в памятниках Среднего Поволжья, Шпилевском кладе, Выползове под Остром.

Упадок Хазарского каганата в X в. совпал по времени с возвышением Волжской Булгарии и «Русской земли». Возможно, это и вызвало приток мастеров-шиитов из Средней Азии и Багдадского халифата, усиливающийся по мере сельджукской экспансии на Ближнем Востоке. В X в. в городах «Русской земли» возникают мастерские по обслуживанию княжеско-дружинной верхушки и формируется своеобразная школа торевтики — явление схожее с тем, которое хорошо известно в Великой Моравии и Венгрии (В. П. Даркевич, Б. И. Маршак, 1976). Оковки ритонов из Черной Могилы — вершина местного ремесла, достижения которого не смотрятся одиноко на фоне сейчас уже изученных десятков блях с подобным гравированным растительным орнаментом из Киева и черниговских могильников.

Произведения ювелиров Волжской Булгарии проникали и на запад от Киева: плетеные гривны типа Балькульского клада (под Казанью) выявлены в кладах второй половины X — начала XI вв. у Копиевки, Боршевки, В. Хайчи (Г. Ф. Полякова, 1971). Приведенные факты позволяют поставить вопрос о передаче взаимовлияний между карпато-дунайским регионом и Волжской Булгарией в области художественных традиций транзитом через Киев и другие ремесленные центры Южной Руси.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово (Пряхин А. Д.)	3
Пленарные доклады	5
Синюк А. Т. Археологический микрорайон: концепции и методический аспект	5
Ковалева И. Ф. Кильченский микрорайон в срубной культуре предстепья	8
Медведев А. П. К изучению структуры микрорайонов памятников скифского времени лесостепного Подонья	10
Афанасьев Г. Е. К методике изучения на макроуровне салтовских поселений бассейна Среднего Дона	12
Томашевский А. П. К методике микрорегиональных исследований раннего средневековья	15
Моця А. П., Халиков А. Х. Путь из Булгара в Киев: результаты и задачи исследований	17
Пряхин А. Д. Воронежский археологический микрорайон	19
СЕКЦИЯ: Воронежский археологический микрорайон	22
Матвеев Ю. П. Памятники первой половины II тысячелетия до н. э.	22
Беседин В. И. К оценке памятников второй четверти II тысячелетия до н. э.	24
Левых Г. А. Памятники донской лесостепной срубной культуры	26
Саврасов А. С. Развитие традиций металлообработки в эпоху поздней бронзы	27
Екимов Ю. Г., Беседин В. И. Памятники конца II — начала I тысячелетия до н. э.	29
Разуваев Ю. Д. Памятники скифского времени	30
Березуцкий В. Д. К вопросу о локальных особенностях могильника «Частые курганы»	31
Бирюков И. Е. Памятники сарматского времени	33
Винников А. З. Славянские поселения VIII — начала XI вв.	34
Цыбин М. В. Древнерусские памятники XII—XIV вв.	35
Ахтырцев Б. П., Ахтырцев А. Б., Пряхин А. Д. Разнообразные погребенные почвы Воронежского археологического микрорайона и их эволюция	37
СЕКЦИЯ: Торговый путь Киев — Булгар и археологическое изучение микрорайонов	42
Коваленко В. П., Сытый Ю. Н. Черниговское ответвление пути Киев — Булгар	42
Винников А. З. Торговля донских славян (к вопросу о торговых путях Руси с Востоком)	44
Халиков А. Х. Археологические микрорайоны в системе изучения булгарской стороны средневекового пути Булгар — Киев	46
Белорыбкин Г. Н. Сурской участок пути из Булгара в Киев	47

Якимов И. В. К вопросу о месте переправы через Волгу на торговом пути Булгар — Киев	48
Иевлев М. М. Природные условия на территории Восточной Европы в X—XII вв. и их влияние на размещение маршрута торгового пути из Киева в Булгар	49
Измайлов И. Л. Комплексы вооружения в регионах на пути из Булгара в Киев в X—XI вв. (некоторые тенденции развития)	52
Покас П. М. Палеоантропологические данные к вопросу о пути из Булгара в Киев	54
Орлов Р. С. Художественные связи Южной Руси с Волжской Булгарией в X—XI вв.	56